

ИДЕАЛЬНЫЙ
ГЕНОМ

НАТАЛЬЯ ТАШИНСКАЯ

ПУТЬ
КШАРКИ

Книга третья

Дорога энэ

С иллюстрациями Елены Бонк

Путь кшари

Наталья Ташинская

Путь кшари. Дорога энэ

«Автор»

2023

Ташинская Н.

Путь кшари. Дорога энэ / Н. Ташинская — «Автор»,
2023 — (Путь кшари)

Эр-Кхар суров, здесь нет места слабости и состраданию, это дикий мир хищников и жертв, где не любят чужих и не жалеют своих. Выжить на этой планете уже заслуга, а победить — запредельное везение. Он был энэ, раб, недостойный даже взгляда великих, его судьба была predetermined, только что-то не учли великие в своих планах. Он победил, вырвался из ада, а потом вернулся, чтобы отомстить..А может — чтобы спасти.И да, ржавые кварки, долго эти крылатые будут под ногами путаться?

© Ташинская Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Лик Великих	9
Глава первая. Рудник Тин-Хаэ. Шесть лет назад	10
Глава вторая. Рудник Тин-Хаэ. Зброшенный Храм	20
Глава третья. Рудник Тин-Хаэ. В шаге от свободы	27
Глава четвертая. Храм Хур-Саг. Маленькая аштэ	33
Глава пятая. Храм Хур-Саг. Две аштэ и один кшари	48
Глава шестая. Храм Хур-Саг. Пленники	54
Глава седьмая. Храм Хур-Саг. Второй шаг к свободе	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Наталья Ташинская

Путь кшари. Дорога энэ

*Великие не отличаются милосердием, не стоит испытывать их терпение.
Великим плевать на тебя, они не заметят твою агонию.
Великие принимают плату только кровью.*

Пролог

Мир сошел с ума, вывернулся наизнанку, рухнул в бездну и дно пропасти стало небом. Дикие гуляли по Эр-Кхару¹ как по своему дому; птенцов готовили в жертву, поправ все догмы и забыв слово Великих; те, кто должен был защищать, – нападали, а те, кому ранее можно было безгранично верить, – лгали.

«Или это я сошла с ума, и мне все это кажется», – отстраненно подумала Мара, устало опускаясь на пол.

Спину жгло огнем, но гораздо большее было от непонимания происходящего. Даже в страшном сне она не могла представить, что кшари² потащат ее, жрицу Великой Мот, к столбу наказаний и дагар³ лично сорвет с нее безрукавку, что остальные стражи будут равнодушно смотреть, как она корчится под ударами плетью, а жрецы отвернутся, словно она была не одной из них, а последней рабыней. И главное – что она сломается на пятом ударе и скажет, где спрятала трех птенцов, пытаясь спасти их от алтаря. Что сумеет умолчать лишь о четвертом, лежащем в отдельной палате.

И этот последний птенец сейчас умирал у нее на руках от черной лихорадки.

Дикие принесли в их мир не только огонь и смерть, они выпустили всех тварей Арроха⁴, и привычный мир обернулся отчаяньем и безысходностью.

Мара прислонилась спиной к алтарю и, покопавшись, вытащила из пояса помятую, давно затупившуюся звездочку⁵. Она нашла ее шесть лет назад на развалинах Храма Ашера⁶ и носила с собой, чтобы помнить. Кшари, потерявшего эту звездочку, так тогда и не отыскали: взрыв перемолол всех, убив и стража Великих, и раба, который, толкнув ее в сторону укрытия, сам остался у алтаря. Обгоревшая, треснувшая звездочка с отломленным лучом – это все, что у нее осталось в тот страшный день, размолотивший мир в труху. Она никогда не забудет, что это дикие открыли дверь смертям и хаосу.

Неровная кромка царапнула палец, и Мара недоуменно посмотрела на свою ладонь. Нет, это бред какой-то. Она сама видела, как тот кшари стоял на площади, ровно там, куда чуть позже ударили ракеты диких. Она видела расплавленный камень, выгоревшую сельву и руины на месте Храма. Он не мог выжить, никто не смог бы там выжить. Кшари давно в Чертогах⁷, а оттуда не возвращаются.

... У меня был длинный путь...

А вдруг?.. Вдруг Великие наконец очнулись, увидели залитые кровью города, услышали, как плачет Эр-Кхар, и отправили своего воина к ним? Не бросили этот мир на растерзание диким, не отвернулись, не прокляли, так и не объяснив, в чем провинились их дети, а ждали понятного только им. Вдруг это действительно он, тот самый кшари, чью звездочку она хранила шесть лет? И он пришел, чтобы спасти их, вернулся из Чертогов исполнить волю Великих...

Им очень нужно было чудо. И ей, и больному птенцу, и всему Эр-Кхару. Потому что свои силы у них закончились.

Лежащий на алтаре птенец едва слышно заскулил, и Мара, тяжело вздохнув, поднялась.

¹ Планета Эр-Кхар – третья в звездной системе Тейат (Тейат Постериор, или μ Близнецов, четвертая по яркости звезда в созвездии Близнецов), планета с повышенной силой тяжести.

² Кшари – страж, воин с крыльями, человек, в которого искусственно построили генератор силового поля.

³ Дагар – высшая должность в одном гнезде. Гнездо – Храм Великого Ашера и прилегающая территория, место, где живут кшари.

⁴ Аррох – Великий, предавший своих. Местное ругательство.

⁵ Кастэна – звездочка для метания, оружие кшари.

⁶ Великий Ашер – покровитель стражей.

⁷ Чертоги – место, куда ушли Великие после смерти, аналог местного рая для мирных жителей и Валгаллы для кшари.

– Потерпи, надо еще потерпеть.

– Да, аштэ⁸. Прости.

Он был кшари, совсем маленький, но все же кшари, и он будет терпеть, Мара это знала, но легче от этого не было. Мальчишка умирал, а у нее не было сил даже просить Великую Мот⁹ о милости к ним. Непонятный кшари, нашедший их в Храме, велел ждать, а чего ждать – не сказал.

– Все будет хорошо. Он вернется, он же обещал... Кшари всегда держат слово, иначе не бывает.

– А... – мальчишка испуганно примолк, но все же набрался смелости и добавил: – когда он вернется? Он нас заберет, да? Мы пойдем в другой Храм?

– Скоро вернется, – уверенно пообещала Мара, – надо подождать. Полежи, я сейчас принесу воды.

Если бы она знала ответ на этот вопрос! Кто сможет им помочь, кому они нужны? Даже внизу, в городе, ее с птенцом кшари не примут: крылатые давно стали врагами всем. И ей тоже.

Родник был на улице, у задней двери. Мара старательно умылась, а потом набрала воды в кувшин. Возможно, если бы она ушла одна, то у нее был бы шанс: лекари нужны везде, ее бы наверняка приютили в клане мастеров или торговцев, спрятали и от кшари, и от диких, но... она никуда не пойдет, пока птенец жив, а вместе с ним и жива надежда его спасти.

Мальчишка тяжело дышал, глаза его лихорадочно блестели, а тело периодически сотрясали судороги. По-хорошему, его надо было отнести в госпиталь, напоить жаропонижающими, а еще лучше – настойкой боргара¹⁰, тогда птенец заснет и, если будет на то воля Великих, уйдет в Чертоги, не мучаясь. Но Мара боялась, что дагар хватится недостающего птенца и отправит своих слуг в госпиталь. Казалось, какая разница, как уйти в Чертоги, птенец все равно обречен, но... разница все-таки была. Потому что от руки старшего, на алтаре, вот так, в жертву, – совершенно неправильно.

И этот ненормальный кшари, осмелившийся приказывать жрице, обещал помощь и велел ждать в Храме.

За стенкой всполошенно заклекотали фейхи, и Мара настороженно покосилась на дверь. В другое время она бы даже внимания на них не обратила, но сейчас любой неправильный звук мог означать опасность.

– Посиди тихо...

Мара скользнула к окну, стараясь двигаться как можно незаметнее. Прижалась к стене и аккуратно выглянула в окно. Похоже, все в порядке, мелкие драконихи от собственной суматошности разверещались. Мара еще раз внимательно посмотрела на тропу и хотела уже отвернуться, как вдруг среди кустов скользнула сумрачная тень, словно сам ствол на секунду искривился, размазался, задрожал, и тут же рябь пробежала по лианам, а затем перекинулась на кусты. Мара крепко зажмурилась, а потом осторожно приоткрыла один глаз. Кусты расплываться перестали, зато сам собой закачался тонкий бамбук и внезапно перед входом в Храм два размытых силуэта обрели четкость, словно две тени сгустились, собрав весь мрак в тяжелые, страшные фигуры. Мара отпрянула обратно, зажимая рот рукой.

Дикие. В черной броне, с круглыми шарами вместо голов и с уродливыми наростами на руках. Мара знала, что эти громоздкие штуки умеют плевать жидким огнем. Раньше такие дикие были только внизу, в городах и долине, они не могли прийти в Храм, не должны были... А если они тут, значит, дагар был прав, когда спешил отправить птенцов в Чертоги, потому что отдать детенышей кшари в лапы диких стократ хуже.

⁸ Аштэ – жрец, жрица.

⁹ Великая Мот – покровитель лекарей.

¹⁰ Боргар – слабо-наркотический напиток.

Мара заторможено посмотрела на птенца и медленно вытащила нож. Смерть от рук диких будет ужасной, они не жалеют даже детей, это все знают, а она может убить быстро, она умеет: жрецы Великой Мот забирают жизнь милосердно.

Мальчишка тихо всхлипнул и уставился на нее блестящими от жара глазами.

Ей не справиться с дикими, это невозможно, с ними даже кшари не могут справиться. Она должна выполнить свой долг и проводить птенца в Чертоги. А потом подороже продать собственную жизнь.

Это же так просто: сначала – убить, а затем – умереть.

Первой на пороге появилась страшная угловатая тень, а следом тяжелый ботинок грохнул по каменному полу.

– Отойди от него!

Мара на секунду прикрыла глаза, прося прощения у птенца и у Великих за свою слабость, подняла нож и бросилась навстречу диким.

Один из них лениво отмахнулся, словно от назойливой мухи, и так же легко, как муху, отбил ее в сторону – только что не прихлопнул сверху. Мара, пролетев пару метров, изо всей силы врезалась в стену. И рухнула на пол.

Дикий что-то сказал, показывая на птенца, второй коротко ответил, а потом ловко перехватил руку мальчишки, отбирая у того маленький нож.

Великие не вмешиваются в дела смертных, бессмысленно просить о помощи, но Мара все-таки подняла молящий взгляд на Великую Мот. Ей больше некого было просить.

Дикий, что зашел вторым, сдернул птенца с алтаря и крепко зажал под мышкой. Первый опять что-то отрывисто рыкнул и наконец развернулся, вспомнив, что в Храме, кроме них, есть еще и жрица. Шлем у дикого был открыт, и Мара, на секунду забыв, что надо встать и драться, неверяще уставилась в такое знакомое лицо.

...Мелкая, если придут дикие – беги! Пообещай мне, мелкая...

Так не бывает, они оба погибли, она точно знает. И оба вернулись, только один – из Чертогов, чтобы помочь, а второй – из сумрачного мира Арроха¹¹, чтобы отомстить.

– Не трепыхайся, аштэ. Ваш дагар просил тебя привести.

Мара дернулась, как от пощечины, и дикий тут же, ухватив ее за капюшон, грубым рывком вздернул на ноги. Нож скользнул по черной пластине на его груди совершенно бессмысленно, даже царапину не оставил. Дикий усмехнулся, сцапал ее за руку, и запястье обожгло короткой, злой болью. Нож тихо звякнул о камень, и тяжелый ботинок с хрустом его доломал.

– Я сказал, не дергаться, аштэ. Что непонятного? Утихни!

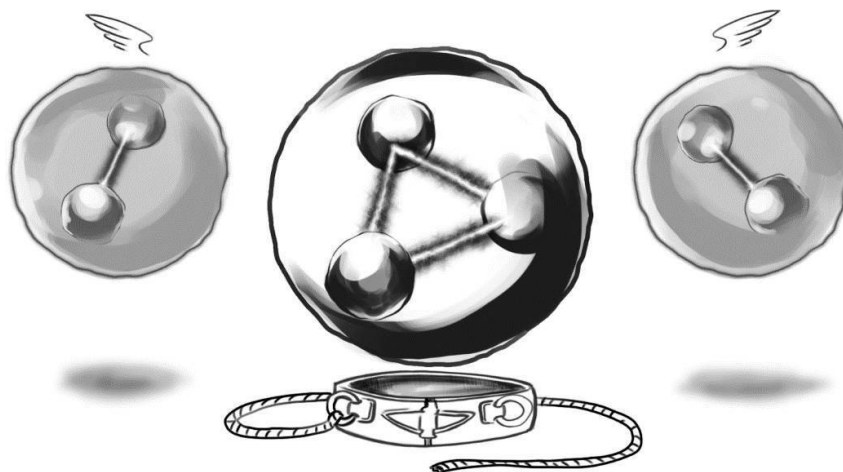
Она помнит, как он ненавидел кшари: искренне, люто, как мог ненавидеть человек, потерявший по вине крылатых все. И сейчас птенец был полностью во власти бывшего раба.

– Мэтью, не надо, остановись...

Но он не услышал, только с силой толкнул ее в сторону выхода.

¹¹ Сумрачный мир – ужасный мир мертвых, населенный чудовищами, дверь в который открыл Аррох, куда можно попасть после смерти, совершив преступление или не выполнив приказ.

Часть первая. Лик Великих

675 год от Великого Исхода
Звездная система Тейат,
Планета Эр-Кхар

Глава первая. Рудник Тин-Хаэ. Шесть лет назад

– Великий Ашер создал кшари, Великий Эльх¹² научил деревья расти правильно, – Рябой Джек кивал в такт своим словам, стараясь добавить им больше веса. – Великая Мот построила больницы, а Великая Окхана¹³ научила жрецов слышать важное.

Мэтт прикусил губу, пытаясь не сказать очередную гадость. Его и так сегодня наказали, оставив без ужина, нарваться еще и на ночевку в яме не хотелось, но Рябой Джек вещал с таким лицом, словно на него снизошло озарение, и он спешил донести великую истину до дикарей – как тут удержаться?

– А Комкхор¹⁴ что сделал? – сочувственно поинтересовался Миха. – Туалеты вам подарил?

– Великий Комкхор! – отрезал Рябой Джек. – Он привел нас сюда! Запомни это, дикий!

– Сложно забыть, – проворчал Миха, – ты нам это уже в сотый раз рассказываешь.

Рябой Джек так давно жил на Эр-Кхаре, что сам не помнил, когда сюда попал и откуда он родом, но он точно был не местный: у местных кожа светлая, а Рябой Джек был черным, как туннель в космосе. Колченогий, с изрытым оспинами лицом, набрякшими веками и сползшими ниже подбородка щеками – местная гравитация была теткой жесткой. А еще Рябой Джек был надсмотрщиком. В отличие от своих слушателей – те были рабами.

– У вас память дырявая, дикие! Вы должны это помнить, как свои имена! Идите спать, ночь уже!

Мэтт приказ выполнил первым, постаравшись проскользнуть в дверь, пока остальные неторопливо поднимались с деревянного настила, но не успел.

– Мэтью.

Мэтт затормозил и отступил в сторону. Надежда, что отец забудет про его выходку в столовой, умерла, не успев толком родиться. Теперь придется выслушивать, как опасно злить надсмотрщиков, что так вести себя нельзя, что надо терпеть...

– Я просил тебя не нарываться.

– И что, – тут же набычился Мэтт, – пусть эти уроды издеваются?

– Мэтью, – вздохнул отец, – надо потерпеть, мы выберемся, обещаю.

– Ага, в следующей жизни.

Мэтт развернулся и пошел в барак. Местные почему-то называли это сооружение кельями, хотя с точки зрения любого нормального человека оно было похоже на уродливую корзину. Широкий ствол-основание распадался на много рукавов, ветки сплетались в плотную сеть, образуя стены, а сверху это нелепище венчала крыша-крона, как шляпка замшелого гриба-переростка. Внутри были комнаты, в которых с трудом удавалось, вытянув ноги, лечь, не уперевшись при этом затылком в противоположную стену. Двери в комнатах поставить забыли.

Но самое смешное, это действительно было дерево и оно росло! Если бы Мэтт не видел его собственными глазами, в жизни бы не поверил, но тут все дома были такими. Не планета, а мечта эко-фанатов. Больных на всю голову фанатов.

В конце узкого и темного коридора были туалет и пара кривовато прикрученных к стене раковин. Мэтт напился противной теплой воды из-под крана.

Было душно и влажно. Здесь всегда было душно и влажно, даже ночь не приносила долгожданной прохлады, только наваливалась тяжелыми кошмарами в коротком промежутке между одинаковыми, монотонными днями. А еще здесь воняло: гниющей листвой, забродившими

¹² Великий Эльх – покровитель мирных жителей

¹³ Великая Окхана – покровитель ученых-генетиков.

¹⁴ Великий Комкхор – верховный Великий.

фруктами, тухлой водой, драконьим пометом – и вся эта какофония ароматов была основательно сдобрена невыносимо приторным запахом разложения.

Уже два месяца прошло, как их выкинули из летающей бочки и отправили на рудник, но он так и не привык к этому месту.

В комнате обнаружился кусок лепешки, завернутый в широкий лопух и аккуратно пристроенный на краю циновки.

Ужина Мэтт лишился из-за того, что смотрел неправильно: положено было под ноги, а он нагло пялился на надсмотрщика. Да еще посмел вслух сказать, что именно напоминает замазка в тарелках, которую по какому-то недоразумению объявили едой. В результате замазка так и осталась в тарелке, тарелка на столе, стол в большом круглом зале под плетеной крышей, а его самого отправили ждать на улице, пока остальные поедят.

Отец рисковал, пряча лепешку: еду выносить запрещалось. Совесть едва заметно кольнула, и Мэтт разозлился: он не просил приносить ему еду, до утра бы не умер, а отец, вместо того чтобы поучать, лучше бы сам не нарывался. Живот тут же заурчал, подтверждая, что до утра продержаться, конечно, можно, но с ужином было бы веселее.

Тонкая циновка лишь притворялась кроватью, условно обозначая место для сна, смысла в ней было еще меньше, чем в тощем, скрученном в рульку пледом – подушка из него была так себе, одеяло еще хуже, могли бы и совсем не давать. Мэтт уже знал, что быстро заснуть на голодный желудок не получится, теперь надо лежать на жестком полу, слушать дождь и пытаться убедить себя, что скоро завтрак. Вкусный, питательный – на одну половину состоящий из перца, а на вторую – из соли. И даже вполне себе симпатичный, если, конечно, зажмуриться и представить на его месте отбивную...

Желудок заурчал еще громче, и Мэтт вгрызся в лепешку. Вообразить сэндвич не удалось, на ум приходила только подошва от старого ботинка. Отлично просоленная и капитально просушенная.

Грубый ошейник натирал шею, и устроиться удобнее не получалось. В самом начале он пытался его снять – разломать прочную застежку и сорвать с шеи, но отец запретил. Сказал, что нет смысла, они и без ошейников слишком сильно отличаются от местных, чтобы можно было среди них затеряться и сойти за своих. А за снятый ошейник наверняка накажут, зачем нарываться по-глупому.

Местные были классическими представителями тяжелых планет: коренастые, плотные, с выступившими венами и толстой кожей. Они же с отцом родились на Электре¹⁵ – обычные радионики, на местных были похожи примерно так же, как жираф на бегемота, особенно цветом кожи. На рост Мэтт тоже не жаловался: он все детство провел в условиях искусственной гравитации, традиционно чуть ниже номинальной, и в свои пятнадцать был выше любого местного почти на голову. Отец был прав, спрятаться в городе нельзя, да и добраться до него через сельву невозможно: зверью точно плевать, какого цвета у добычи кожа. Бежать было некуда.

Раньше Мэтт ждал, что за ними прилетят, надеялся, что будут искать, а отец придумает, как им отсюда выбраться. Мозг отказывался верить в происходящее, все казалось злым розыгрышем, сном, сумасшествием, но дни шли – ничего не менялось. Он действительно был рабом на никому неизвестной, застрявшей в глухом средневековье планете. И, похоже, это было навсегда.

На улице шумел дождь. Тонкие плетеные стены почти не глушили звуки, и было слышно, как капли срываются с крыши и стучат по камням. Днем хотя бы получалось не думать, а ночью, стоило заснуть, память тут же вытаскивала залитый черной кровью пол и лежащего на нем Санчу – их повара, немного чудаковатого, вечно шутящего невпопад, но доброго и веселого. В ночных кошмарах он был еще живым, хотя с дыркой в груди люди не живут. И Джонки,

¹⁵ Планета Электра – третья планета системы UX Тельца, с нормальной силой тяжести, но повышенным уровнем радиации.

техник, единственный успевший выхватить игольник¹⁶, был жив. Остальных Мэтт не видел, он тоже лежал на полу, смотрел, как умирают эти двое и ждал, когда убьют его самого.

Мэтт закрыл глаза, надеясь, что хоть одна ночь обойдется без кошмаров.

Надсмотрщик ударил в гонг ровно тогда, когда небо слегка посветлело. Утро ничего нового не принесло. Все тот же заунывный дождь, льющий без перерыва уже две недели, серое низкое небо и запах тухлятины. И такой же тошнотворный, как все вокруг, жрец с проповедью – с него начинался каждый день, им и заканчивался.

Мэтт опустил на колени и дернул капюшон на голову: молиться эти уроды предпочитали на улице, не обращая внимания на бесконечный ливень. Не молиться было нельзя: во-первых, еды не дадут, а во-вторых, плеть на поясе у надсмотрщика висела совсем не для красоты.

– Вы уничтожили свой мир и погрязли в дикости, только Великие смогут помочь вам... .

Великие, Великие – чтоб они сдохли, эти Великие! Хотя они вроде и так уже сдохли. Мэтт понимал от силы каждое пятое слово, да и то не до конца: это был не язык, а какой-то лингвистический содом – сплошные шипящие, гремящие и рычащие; даже планета – Эр-Кхар – называлась так, что, пока выговоришь, стошнит.

Обычно Мэтту легко давались языки, в довесок к базовым он знал еще пару второстепенных. Как-то даже начал учить староанглийский, один из древних языков планеты-прародительницы, просто из интереса, готовясь к школьному спектаклю. Сквозь эр-кхарский Мэтт продирался на чистом упрямстве, твердо решив, что должен понимать, что там шипит враг.

Жрец продолжал вещать на своем змеином языке, совершенно игнорируя тот факт, что слушатели его не понимают.

Мэтт покосился на отца. Тому было тяжело сидеть, поджав под себя ноги, но стульев тут не водилось, как, впрочем, и любой другой мебели – местные предпочитали жить на полу. Отец сильно сдал за последнее время, повышенная гравитация Эр-Кхара давала о себе знать, да еще влажность эта... . Серая кожа потемнела, проступила зелень, как на потускневшей от времени меди, белые волосы стали грязно-пепельными, лицо изрезали глубокие морщины, плечи согнулись – отец за два месяца постарел лет на двадцать, и думать о том, что будет, если они не выберутся, не хотелось.

Как сейчас выглядел он сам, Мэтт понятия не имел, с зеркалами здесь было так же, как со стульями. Но, судя по остальным, этот климат никому на пользу не шел. Хуже всех приходилось Михе Тарцеву, ему не повезло родиться на легкой планете, в рудокопы он нанялся от полного безденежья, но на их станции, дрейфующей в астероидном поле, ему еще было нормально, а местная сила тяжести не то чтобы усложняла ему жизнь – она его убивала.

Мэтт посмотрел вбок, на Миху, и тот, поймав взгляд, тут же сурово сжал губы и собрал глаза в кучку. Мэтт чуть не фыркнул: очень похоже на жреца получилось. Хотя таких тупых рыбьих глаз Михе ни за что не изобразить.

– Чуть больше смирения, энэ¹⁷!

Мэтт согнулся от сильного тычка в спину и послушно опустил взгляд: надсмотрщик бдил, и получить плетью по голым рукам совсем не хотелось.

– Если вы будете послушны, Великие будут милостивы к вам, – жрец махнул рукой, отпуская.

¹⁶ Игольник – табельное оружие десантника, стреляет заряженными дротиками, не летальное, вызывает болевой шок, степень которого зависит от уровня заряда.

¹⁷ Энэ – раб.

Мэтт встал и покрутил затекшей шеей. Распорядок дня был понятен: сейчас дадут переperченную бобовую замазку с лепешками – и то, и другое условно съедобно, – а потом погонят в шахту.

Рудник Тин-Хаэ был большим и старым, точнее, древним. Мэтт такое только в исторических фильмах видел: никакой техники, грубо вырубленные ходы в скале, тележки, едва ползущие по направляющим, и странные пузыри, наполненные светлячками, если по ним постучать, то они начинали светить чуть ярче. Додуматься до электричества местным мозгом не хватило, им гравитация все извилины стерла.

– Миха, – приказал отец, – ты сегодня на улице, в шахту мы с Мэттом пойдем.

– Да я в порядке, Пол, – отмахнулся Миха, – вы норму не нарубите.

– Я вижу, как ты в порядке. У кого кровь вчера носом шла?

Отец был прав, гравитация была меньшей проблемой, а вот то, что в шахтах серьезно фонило, было плохо. Им-то с отцом нормально, они и выше радиацию спокойно переносят, но Миха не был радиоником. Кроме них с отцом, в шахте без последствий мог еще Карлос работать, да Томас, хотя Томасу хуже, он был метисом, и, судя по цвету кожи, радиорезистентность у него была ниже, чем у Мэтта. Так что ему тоже долго торчать в шахте не нужно, особенно учитывая местную медицину, которой не существовало. Если, конечно, не считать анестезией завывания жрецов.

– Этих-то чего сюда несет...

Мэтт быстро оглянулся и тут же отвернулся, крепче хватаясь за ручки тележки. Он никому не признавался, даже отцу, что крылатых стражей он боялся. Вот и сейчас по спине растекался холод, а ладони стали влажными.

Крылатые не пролетели мимо. Все трое заложили круг и плавно опустились на площадку перед штольной. Голубоватая рябь на секунду окутала фигуры и исчезла. Мэтт совершенно не понимал, откуда у них крылья, они даже на нормальные похожи не были: ни перьев, ни кожи, скорее, туман, исчезающий, когда стражи были на земле, и опять появляющийся в воздухе. Понятно, когда базовая мутация уплотняет кости, меняет цвет кожи, форму глаз, метаболизм... но крылья! Не могло такого быть! Первые колонисты улетели со старой Земли лет девятьсот назад, этого явно недостаточно, чтобы *homo sapiens* эволюционировал до *in alatus homo*. Не могло быть людей с крыльями, однако на Эр-Кхаре они были. Местные звали их кшари и утверждали, что их создало некое божество по имени Ашер.

Ах да, Великий Ашер.

Человечество, расселившись по всей Галактике и даже заглянув в парочку соседних, так ни разу и не встретило братьев по разуму. Во всех мирах эволюция находилась на разных ступенях: где-то первая инфузория-туфелька только начинала заинтересованно поглядывать в сторону соседки; на других планетах рыбы уже заметили, что в океане становится тесновато и планировали отрастить пару-другую новых конечностей; местами животный мир уже выстроил свою иерархию, захватив всю поверхность планеты, но до следующей ступени – существа разумного – еще никто не дошел. Мэтт бы подумал, что их угораздило вляпаться в первый контакт и наткнуться на настоящих инопланетян, если бы крылатые твари не расстреляли беззащитных шахтеров из самых обычных фэйтеров¹⁸ и лучевиков. И корабль, на котором их доставили на планету, был самым обычным – человеческим. Поверить в то, что инопланетяне совершенно случайно оказались идеально похожими на людей, еще можно было, но в то, что их инженерная муза думала в унисон с человеческой, верилось с трудом.

Мэтт быстро опустил глаза, стараясь не встречаться взглядом с крылатыми. Он до сих пор видел в ночных кошмарах эти мертвые равнодушные глаза и еще – маски. Тонкие, плотно

¹⁸ Фэйтер – оружие, стреляющее плазменным лучом, разогнанным магнитным ускорителем почти до скорости света, крепится на предплечье, управляется кистью.

облегающие лицо, с темным венозным рисунком, делающие всех одинаковыми, похожими на куклы из дрянного фильма ужасов. Непонятно, зачем местные носили на лице кусок резины, но в них ходили все – и жрецы, и кшари. Только надсмотрщики не скрывали лиц, ну так они и не были местными – это была единственная возможность карьерного роста для раба.

Но разгадывать тайну масок Мэтту не хотелось совершенно. Единственное, чего он хотел – выбраться с этой планеты и забыть ее, как страшный сон. Вернуться туда, где по утрам не орет надсмотрщик, а тихо шумит на камбузе чайник и в иллюминаторе светят далекие звезды. Где вместо бесконечного дождя кондиционированная прохлада, где не давит на плечи невыносимая тяжесть и воздух не пропитан смрадом. Туда, где нет никаких жрецов, кшари и Великих. Туда, где он был свободным, а не рабом.

А маски... да какое ему дело до них? На каждой планете свои закидоны, тимплиане вон пихают в тело столько железа, что андройды от зависти давятся, а выходцы с Зары предпочитают бриться налысо, покрывая татуировкой голый череп. А тут всего лишь маски – похоже, униформа для тех, кто служит Великим. Для идиотов, короче.

Один из кшари шагнул ближе и ткнул рукой в Мэтта:

– Энэ, пойдешь с нами.

Крылатый смотрел на него, как на пустое место. Хотя нет. Пустого места не существует, всегда есть дерево, камень, тропинка... а Мэтта не было. Кшари смотрел сквозь него, не мигая и совершенно не сомневаясь, что его приказ выполняют.

– Куда вы его? – дернулся отец. – Зачем?

– Я пойду, – торопливо сказал Мэтт, – не надо, па...

Кшари ткнул рукой себе за спину.

– Иди туда. Жди нас.

Мэтт покорно поклонился и двинулся в указанном направлении.

Куда вела тропа, он знал. Как-то раз, воспользовавшись тем, что надсмотрщик ушел, они с Михой бегали посмотреть. Отец потом ругался, но это стоило того: тропа вывела на совершенно ровное плато, на котором стоял транспортник. Такой обычный транспортник: выпирающая рубка, транспортный отсек, пара туннельных двигателей... Их самих на планету доставил похожий, только у того на морде был намалеван красный дракон. Если бы не виднеющийся пост кшари, можно было и поближе транспортник посмотреть, но крылатые отбили желание проявлять любопытство. Миха потом утверждал, что этот транспортник забирает обработанный камень. Может, и так, Мэтт точно не знал.

Тропа была темной и мрачной, как и все остальные тропы здесь. Деревья, сплетаясь кронами, закрывали небо. Монументальные стволы были скорее похожи на сваи, чем на приличные деревья, даже бамбук был в руку толщиной. Лианы хищной паутиной заполняли любую прореху, окончательно размывая дневной свет. Подвесной мост был сплетен из ветвей деревьев, растущих у оврага: они словно протягивали руки, тесно переплетая пальцы и норовя ухватить идущего за ногу.

Кшари добрались до плато первыми. Мэтт выскочил из зарослей, когда те уже стояли у шлюза транспортника.

– Иди за мной, энэ.

Мэтт сглотнул и шагнул к трапу. Не сожрут же они его... С того дня, как их выгрузили из транспортника на этой забытой всеми богами планетке, кшари редко снисходили до общения с рабами. Крылатые перестали их замечать сразу, как только на пленников надели ошейники – тяжелый плетенный ремешок на шее моментально превратил бывших шахтеров в невидимок.

– Вымой здесь все, – приказал кшари, остановившись у двери грузового отсека. – Понял?

– Да, – облегченно выдохнул Мэтт.

Кшари развернулся и неслышными скользящими шагами направился к выходу.

Судя по количеству грязи на полу, тут не убирались... никогда. Ну, может, раз помыли пол, когда корабль сходил с заводских стапелей, лет пятьдесят назад. Какие-то тряпки, каменная пыль, бурые пятна на темном пластике... Задача была несложной, любой андроид-уборщик бы справился, но ему приходилось рассчитывать только на ведро и тряпку. Мэтт внимательно оглядел ангар и понял, что на тряпку с ведром надеяться тоже не приходится – их не было. Этот крылатый ему что, языком предлагает пол вылизывать?

Идею догнать кшари и потребовать швабру, Мэтт отмел как шизофреническую – жить ему еще не надоело. На любом корабле должен быть хозблок, надо поискать.

– Надеюсь, ведро у них не деревянное, – пробормотал Мэтт и пнул ногой ближайшую кучу мусора.

Куча пинок не одобрила, недовольно колыхнулась, да еще какая-то тряпка прилипла к ботинку. Мэтт сердито потряс ногой. Тряпка тоже задергалась, но возвращаться в кучу отказалась. Пришлось наклониться и снять ее рукой. Взгляд зацепился за что-то знакомое, яркое, такое привычное, чуждое этому миру. Мэтт наклонился и поднял с пола брелок – обычная безделушка, записная книжка или альбом на десяток картинок, игрушка, да еще и треснутая. Наступили на него, что ли?

Мэтт без особой надежды сдвинул брелок пальцами и... медленно опустился на пол. С развернувшегося над ладонью экрана на него смотрел он сам.

Серебристая кожа цвета светлой ртути, такие же глаза, зачесанные вверх белые волосы, ухмылка и насмешливый взгляд: ну и как тебе тут, не очень? А мне норм! У него была непомерно большая голова и короткие ручки-ножки – таких смешных уродцев рисовал только один человек. Гая. Мелкий рыжий гном с огромными зелеными глазами. Его Офелия... Племянница их врача, она была на год младше его, что, впрочем, не мешало ей быть заводилой в их компании и идейным вдохновителем всех не одобряемых взрослыми шкод. Они вместе лазили в шахту и чуть не заблудились, хорошо, что воздуха хватило; летали к дальним астероидам искать самоцветы – не нашли, зато их самих нашел отец и открытый космос превратился в закрытый; идея выяснить, застрянет ли человек в вентиляции, тоже принадлежала Гае, впрочем, как и учиться целоваться, спрятавшись в пыльной кладовке, – тут правда повезло, никто не застукал.

После нападения кшари он ее больше не видел. Осталась она валяться в луже крови на полу, или ее тоже привезли на Эр-Кхар, он не знал. Как не знал, что лучше.

Мэтт откинулся назад, упираясь затылком в стену. Он вдруг понял, что означают бурые пятна на полу. В глазах защипало. Он не хочет об этом думать, не хочет и все. Он ничего не может сделать и помочь никому тоже не может. Он раб, у него ошейник, и ему надо вымыть пол, чтобы вечером не оказаться привязанным к столбу.

Нарисованный уродец продолжал ухмыляться, крепко сжимая в короткой лапке берет с длинным пером. Мэтт криво усмехнулся в ответ. Они готовились к школьному спектаклю, и это было так важно: сцена, грим, оценка за сценическое мастерство и с трудом раздобытый сборник стихов Шекспира на староанглийском, кажется, две тысячи трехсотого года... Почти подлинник! Теперь уже неважно: сборник пропал вместе со спайдером¹⁹, а смешной берет остался на станции.

Мэтт попытался листнуть альбом вправо, но изображение сменилось синей рябью – больше ничего не сохранилось. Он аккуратно отключил инфокристал и сунул в ботинок, карманов в его одежде не было. Медленно обвел взглядом грузовой отсек, пораженный неожиданной мыслью: кшари прилетали к ним на одном корабле, второго у них не было, а значит, это транспортник Томаса. Он как раз вернулся накануне забрать новую партию руды, они даже загружать его не начали. А значит, черт всех побери, это их корабль!

¹⁹ Спайдер – нейроинтерфейс, система обмена информацией между мозгом и глобальной сетью.

Или нет? Грузовики похожи друг на друга, как братья-близнецы, а рабов могли перевозить из одного Храма в другой. Занятый мыслями о кшари, он не рассматривал корабль снаружи, он вообще смотрел только под ноги. Или все-таки это их грузовик? Проверить это можно было лишь одним способом. Мэтт встал и двинулся к выходу.

Транспортник Томаса он знал не хуже самого владельца: когда тот прилетал, рабочие шли его разгружать, а он с Гаей несся в рубку, Томас после разгрузки давал им полетать в астероидном поле. Планировка корабля была совершенно стандартной: нижняя палуба грузовая, верхняя жилая. Не самый большой транспортник, середнячок.

Мэтт поднялся по лестнице и настороженно оглянулся. Коридор был пуст. Доступ в рубку был самый простой, отдельной блокировки не было: если на корабль зашел, то и в рубку попал. Мэтт замер напротив входа, и красный треугольник на стене сменил цвет на зеленый. Новые владельцы то ли не стали заморачиваться и менять право доступа, то ли не знали, как это сделать.

В рубке тоже никого не было. Два знакомых основательно потертых кресла, узкая консоль с пиктограммами, даже кружка Томаса была на месте, слегка помятая, отчего казалось, что нарисованный спрут злобно щурится, пытаясь погрызть запутавшуюся в щупальцах комету.

Мэтт подошел к консоли управления и погладил пальцами мягкий пластик. Консоль мигнула красным и... развернула экран. Мэтт вздрогнул и уставился на карту. Они что, и пульт заблокировать не стали? То есть у него остался полный доступ? Мэтт облизал пересохшие губы и оглянулся на закрытую дверь. Как активировать двигатели, он знал, но максимум, на что он был способен, – это поползть на транспортнике между глыбами рядом со станцией. Поднять корабль с планеты, а потом еще и уйти в туннель он точно не сможет. Зато сможет Томас...

За стеной что-то скрипнуло, и Мэтт судорожно принялся отключать панель, не сразу попадая дрожащими пальцами по нужным символам. Выскочил в коридор и рванул в кладовку.

Швабра в кладовке нашлась, и даже ведро нормальное, пластиковое.

– Что ты здесь делаешь?

Мэтт подпрыгнул и выставил перед собой ведро, как щит. Кшари продолжал равнодушно смотреть сквозь него.

– Вот... воды надо. Я налить хотел...

Голос предательски дрогнул, и Мэтт уставился на пояс кшари. Почему-то на планете крылатые ходили с мечами. С настоящими такими мечами, не с файтерами, не с игольниками, даже не с ножами – с мечами! Рыцари долбаные...

– Вода на улице.

– Да... можно я...

– Иди.

Мэтт рванул по коридору так, словно кшари уже достал свой меч и даже занес его над головой раба.

Ручей действительно был близко, но бегать к нему пришлось раз двадцать. С уборкой грузового отсека он провозился до самого ужина, кшари за это время так и не зашли проверить, как он там. Докладывать об окончании работы Мэтт тоже не стал, вернул швабру на место и, тихо выскользнув с корабля, бегом бросился к баракам. У него была потрясающая новость...

...поделиться которой получилось не сразу. Мэтт проводил взглядом надсмотрщика и покосился на Миху. Тот сосредоточенно макал лепешку в бобовую кашу и не собирался отвлекаться от еды. Мэтт вздохнул и тоже взял ложку. Сегодня на ужин помимо бобов еще выдали тонко наструганный мясной орех (и кому только в голову пришло его так назвать, по вкусу он был больше похож на соевый сыр, который долго вымачивали в перце), но хоть какое-то разнообразие.

Надсмотрщик, как назло, стоял неподалеку, и рассказать про увиденное не было возможности. Вообще-то, надсмотрщиков у них было трое, но сегодня дежурил Рябой Джек, мало того что самый противный, так еще и нью-инглиш знает, при нем не поболтаешь.

Пришлось ждать, пока их отправят в барак.

– Точно говорю, – прошипел Мэтт, старательно намыливая лицо. – Я пульт запустил!

Отец с Томасом переглянулись.

– А охрана там какая?

– Я троих крылатых видел снаружи. Все с мечами.

– Глянуть бы... – протянул Миха, покосившись на моющего рядом Айвана.

Эр-кхарец не обращал на них внимания, да и вряд ли понимал, что они говорят. Здоровенный и флегматичный, как удав, он вообще редко встречал в чужие разговоры, особенно если они были не на эр-кхарском. Мэтт не знал, за что Айван загремел в рабы, поговаривали, что вроде убил кого-то, но его никто не расспрашивал, а сам он не рассказывал.

Зато второй, Стэхан, вполне компенсировал неразговорчивость Айвана своей повышенной болтливостью. Все отлично знали, что на рудниках он оказался, оскорбив непочтительностью Великого Ашера, он вечно забывал кланяться идолу, а в последний раз так и вовсе повесил на него корзинку с нитками: рукояти мечей – один в руке Великого, другой в ножнах – очень удобно торчали, как тут не повесить? По-хорошему, его должны были выпороть на площади и обязать год отдавать половину дохода в Храмы, но, как уверял Стэхан, обувной мастер, у которого он трудился подмастерьем, его недолюбливал и терпел только из уважения к своей троюродной сестре, матушке Стэхана, а после того, как застучал в кустах со своей младшей дочерью, невзлюбил окончательно. Донос городскому судье, щедро приправленный грошами, сделал свое дело, и рассеянного горе-любownika на четыре года отправили на рудники.

Вот если бы Стэхан не помогал сегодня на кухне, то он точно бы потребовал у Мэтта рассказать, что случилось и о чем он там треплется.

– Ну что, прикроете, мужики? – буднично поинтересовался Миха. – Сбегаю гляну.

– Я с тобой, – дернулся Мэтт.

– Стоять, – осадил его отец. – Миха, близко не лезь. Так, глянь... без оружия нам все равно не пробиться.

– Кирка тоже оружие, – ухмыльнулся Томас.

– Пятеро снаружи, – сообщил Миха, – сколько внутри, непонятно.

Мэтт забросил еще лопату руды в тележку, прислушиваясь к разговору. Новости решили обсуждать в шахте, сюда ни надсмотрщики, ни кшари не совались.

– Многовато, – скривился Томас, – нас всего четверо, считай.

– Пятеро, – возмутился Мэтт.

– Не кипиши, мелкий, – отмахнулся Миха, – пятеро, пятеро. Но у них мечи, и что-то мне думается, они обучены ими махать.

– И что? – Мэтт отставил в сторону лопату. – Мы так и будем тут сидеть? Потому что у них мечи?

– Интересно, где они файтеры хранят? – Карлос продолжил методично наполнять тележку. – Лучше, конечно, не с киркой прорываться.

– А с их вышки эту площадку видно? – поинтересовался отец.

– Видно, – скривился Миха.

– Значит, не пятеро, а как минимум семеро.

Мэтт посмотрел на Айвана, тот рубил породу, не сильно уступая в скорости автоматическому буру.

– Мы его не знаем, – правильно понял взгляд отец, – это опасно.
– Да ладно, Пол, – влез Миха, – думаешь, он мечтал быть рабом? А с ним у нас шансов больше.

– Обдумать надо, – подвел черту отец. – Мэтт, тормозни их, анкеры ставить надо.

Мэтт кивнул и замахал рукой, привлекая внимание эр-кхарцаев.

– Хватит, опоры будем ставить.

Айван кивнул и отошел в сторону, а Стэхан сел на пол.

– Эй, Стэх, ты чего? – забеспокоился Мэтт. – Выглядишь так, словно тебя Аррох потрепал.

– Чувствую так же, – вымучено растянул губы в улыбке эр-кхарец, – может, похлебка несвежая была?

– Точно, – подтвердил Карлос, – меня тоже чего-то с утра мутит.

– Идите тогда на улицу, – распорядился отец, – Мэтт, подмени их.

Мэтт кивнул, отложил лопату подальше и шагнул к вагонетке. Рядом тут же нарисовался Миха, набрасывая на плечо петлю: одному тягать доверху наполненную камнями вагонетку было тяжело. Их бригаду отправили работать в новый коридор, совсем короткий, метров сто, но достаточно глубокий, и тащить приходилось по наклонной, месая ногами скользкую глину. Мэтт наклонился и шагнул вперед, чувствуя, как больно впивается в плечо ремень.

На улице все так же лил дождь. На этой планете вообще все не по-человечески, даже термопериодов было три, а не четыре: сдохни-от-дождя, сдохни-от-жары и третий, самый короткий, не больше недели, отделяющий второй от первого. Мэтт уже видел все три²⁰ и пока не решил, который из них хуже.

Миха опрокинул тележку, сгружая руду в стоящую ниже вагонетку побольше, и задумчиво почесал запястье.

– Что-то они сегодня разлетались, – сказал Миха, глянув в небо, и серьезно добавил: – к дождю, наверное.

Мэтт тоже посмотрел – недалеко парило двое крылатых, то ли патрулировали, то ли развлекались. Хотя последнее вряд ли, эти мумии даже улыбаться не умели.

– Уроды, – пробормотал Мэтт, – ненавижу.

– Ну и зря, – пожал плечами Миха, – им от твоей ненависти ни тепло ни холодно, а ты на нее ресурсы тратишь.

– И что? Предлагаешь кланяться им?

– Не, – развеселился Миха, – улыбайся! Их это бесит!

– А лучше – не нарывайтесь, – отрезал отец, выходя из шахты.

Мэтт скривился, но отвечать не стал, украдкой наблюдая за парящими в воздухе кшари.

– Все-таки я не понимаю, – протянул Миха, – как они летают? Бред же.

– Кориум, – невозмутимо отозвался отец, скручивая сетку для крепи. – Я думаю, все дело в кориуме.

– Да? – удивился Мэтт и, поймав недовольный взгляд отца, постучал себя по виску. – Я учебник по минералогии дома забыл. Прости, па...

– Такой минерал в результате ядерного синтеза получается. Я знаю три планеты, где его добывают. Эта четвертая, и такого чистого я раньше не видел.

– И что?

– А то, что при определенной температуре и тактовой частоте он может менять направление движения молекул вокруг себя, например, уплотняя воздух и создавая силовое поле.

– Да ладно, – поразился Мэтт. – Они что, его глотают? Он же радиоактивный.

Отец молча подошел к вагонетке и, вытащив камушек, бросил его Мэтту.

²⁰ Каскаль – весна-лето, время засухи. Кисаль – осень. Мушён – сезон дождей.

Мэтт поймал: маленький, с ноготь, бледно-голубого цвета, больше похожий на каплю, чем на камень. Как любой радионик, Мэтт радиацию чувствовал, так же как другие чувствуют температуру: вот горячий чайник, а это «горячий» камень, и лучше его в руках долго не держать и в кармане не таскать. Голубая капля была еле теплая.

– А фонит шлак, – пояснил отец. – Я же говорю, такого чистого раньше не видел. И, кстати, про «фонит». Мы, похоже, к жиле вышли, так что, Миха, ты на улице. Айвона со Стэханом тоже выгоню.

– Ладно, босс.

– Мэтт, и вы с Томасом к жиле не лезьте, я разбросаю сначала.

Мэтт подбросил камень на ладони и зло запулил его обратно в вагонетку, тот глухо стукнулся о бортик, отскочил и прыгнул в густую траву. Отец, конечно, неплохо радиацию переносит, у него отличная репарация ДНК, но всему есть предел, жила обычно фонит так, что даже ему многовато будет.

В самом начале, когда их только привезли к шахте, отец пытался спорить, объяснять, требовать защитное оборудование, но его не стали слушать. Жрец позвал кшари, что-то прокаркал им на эр-кхарском – и всё... крылатый вытащил меч, и отец пошел в шахту, правильно поняв предложенный выбор: умереть сразу, не дожидаясь, пока убьет радиация, или все-таки сначала помучиться.

Из туннеля вышел Стэхан и, тяжело опустившись на землю, привалился спиной к дереву.

– Эй! – позвал Мэтт. – Ты в норме? Может, к аштэ попроситься? Пусть лекарство даст.

Стэхан вместо ответа закрыл глаза и начал заваливаться на бок.

Глава вторая. Рудник Тин-Хаэ. Заброшенный Храм

А еще через три недели Стехан умер. Местные, кажется, так толком и не поняли – от чего. Только Рябой Джек тяжело вздохнул: черная болезнь, гадкая штука, дурной воздух в шахтах, слабые долго не выдерживают.

Мэтт бы тоже не понял, если бы каждый школьник на Электре не учил признаки лучевого поражения одновременно с первыми буквами, а может, даже и раньше. Его собственной матери не повезло родиться с недостаточной базовой мутацией: возможно, на какой-нибудь Терре²¹ или Старой Земле ее смогли бы спасти, но гражданства изначальных миров у нее не было, и лучевая болезнь ее убила раньше, чем подошла очередь на коррекцию ДНК. И раньше, чем родился ее сын.

Стехан не был слабым, он был первым. Радиация рано или поздно убьет их всех.

– Чего застрял, энэ? Давай, понесли!

Жрец с рыбьими глазами брезгливо указал на накрытое тело и, протирая руки чем-то на редкость вонючим, торопливо отошел в сторону. Мэтт заподозрил, что жрец боится заразиться, поэтому и вызвал рабов тащить труп, выбрав тех, что уже имели дело с умершим, а значит, заразу и так наверняка подхватили.

Мэтт послушно поднял носилки и пошел к выходу.

Умерших относили на дальнюю поляну и складывали в неглубокие ямы. Потом закрывали синим мхом, привязывали на дерево кусок тряпки – вот и все похороны. Эр-Кхар был вообще на редкость лаконичным миром.

Мэтт вытер ладони о штаны, набросил капюшон на голову и воткнул лопату в раскисшую землю.

– Пошли потом глянем транспортник? – предложил Миха, старательно отодвигая мох в сторону.

– Нам еще палату приказали убрать.

– Ну, придем попозже, скажем, копать тяжело было. Воды много.

Воды действительно было много, стоило срезать пласт плотной земли, как в яму шустро устремлялся очередной ручеек. Было что-то дикое в том, чтобы закончить свою жизнь в яме с водой из-за повешенной не в том месте корзинки. Мэтт зябко поежился, представив, как его самого, завернутого в серую грязную простыню, сталкивают вниз и тело с глухим всплеском скрывается в воде. Нет уж, им срочно нужен транспортник.

До ужина было еще много времени, сбегать до поляны и убрать в опустевшей келье они точно должны успеть. Мэтт чуть поправил лопатой кусок мха и отступил назад. Холмик получился небольшой, а через пару недель и вовсе осядет, сравняется с землей и следов не останется. Раньше Мэтту не приходилось никого хоронить, и он старался думать о чем угодно, только не о том, что еще недавно Стехам пихал его за ужином в бок и предлагал взять острый до горечи кусок серого сыра, искренне не понимая, что Мэтту не нравится, вкусно же.

– Давай сбегает.

Мэтт прислонил лопату к дереву (она и до этого тут стояла, видимо, убирать ее смысла не было) и пошел по узкой тропе.

Рабы были на руднике, надсмотрщики за ними присматривали, кшари заняты своими крылатыми делами, и можно было надеяться, что два спешащих куда-то раба никого не заинтересуют. А если кто и остановит, всегда можно что-нибудь соврать.

²¹ Планета Терра-два – одна из трех планет Изначальных Миров (Земля, Терра-один, Терра-два), первая планета в звездной системе Ипсилон Андромеды, отличается условиями крайне близкими к условиям Земли, но имеет два спутника.

Тропинка совсем раскисла от воды, было похоже, что по ней нечасто ходили, и надсмотрщики не считали нужным отправлять рабов ее чистить. Мэтт тоже не собирался по ней идти, но Миха решил, что от поляны мертвых быстрее добежать тут, заодно и в поселке не придется светиться.

Мэтт отодвинул в сторону опутанную паутиной лиану и... медленно ее отпустил.

На тропе стояли трое крылатых.

Наверно, следовало идти дальше, покорно опустив глаза и с почтением пропустив стражей Великих, но Мэтт уже ошибся, сделав шаг назад.

– Эй, подойти сюда! Кто такие?

Прыгнуть в кусты было не самой умной мыслью, и Мэтт даже под пытками не смог бы сказать, почему она им с Михой одновременно пришла в голову. Тяжелая ветка хлестнула по лицу, скользкий камень вывернулся из-под ноги, и Мэтт, плюхнувшись на зад, съехал вниз по мокрой траве.

– Бежим! – скатившийся следом Миха вскочил на ноги и рванул налево.

Они умудрились свалиться в овраг. Мэтт поднырнул под низкую ветку, зацепился ногой за какую-то липкую колючку, опять чуть не упал, выровнялся и бросился вслед за Михой. Главное было не думать о том, что будет, когда закончится овраг, и что с ними сделают крылатые, если поймают. Вернее – когда поймают.

Сверху громко хрустнула ветка.

Темную сырую ложбину облюбовал серый папоротник, бежать по нему было особенно неудобно, толстые трубчатые стебли не ломались под ногами, только гнулись, так и норовя подставить подножку или ухватить за ботинок. Сверху плотной сетью переплелись лианы, закрывая их от взглядов крылатых. Да еще ручей под ногами хлюпал. Хотя последнее было даже хорошо – следов меньше останется.

Овраг закончился слишком быстро, и не положим подъемом, а вертикальной скальной стенкой, густо увитой плющом.

Миха оглянулся и зло выругался.

– Вляпались.

– Смотри... – Мэтт отодвинул широкий лист папоротника.

За плотной завесой плюща был достаточно широкий проход – то ли грот, то ли вход в старую шахту, наполовину засыпанный, но вполне еще проходимый.

– Ну давай, – неуверенно согласился Миха, опасливо покосившись вверх.

Мэтт тоже глянул (тут заросли были не такими густыми, было видно кусок неба) и начал карабкаться по камням. Скатился с другой стороны насыпи и присвистнул.

Местных светлячков, собранных в прозрачный пузырь, он видел, каждый день с такими в шахту спускался, а в естественной среде обитания живые фонарики ему пока не встречались. Стены были сплошь усыпаны маленькими голубыми огоньками, пусть не такими яркими, как в пузыре, зато их тут было целое море. Каждый камушек, каждый выступ и трещинка были покрыты мелкими жучками. И это море тревожно колыхалось, наливаясь бледно-голубым светом.

– Я бы отошел от входа, – шепнул Миха, – крылатые могут сунуться.

– Там темно, – так же тихо, стараясь не спугнуть светлячков, ответил Мэтт. – Как без фонаря?

Миха хмыкнул, спрыгнул с камня, прошел чуть дальше и... громко хлопнул в ладони, а потом еще и крикнул. Мэтт даже голову в плечи втянул. Светящееся покрывало разом взмахнуло микроскопическими крыльями, вспыхнуло белым и, сорвавшись со стен, волной покатилося по штольне, удаляясь от входа.

– Ух ты... – протянул Мэтт.

– И заодно здесь светить не будут.

Мэтт понял: если крылатые сунутся, а они обязательно сунутся, то не надо облегчать им поиски, обойдутся без освещения. Как они сами в темноте возвращаться будут, об этом Мэтт решил не думать.

В старом, невероятно низком штреке почти не сохранилось опор и каждому шагу в унисон вторил осыпавшийся гравий. Влажные стены тяжело вздыхали, недовольные вторжением людей; голубой слюдой поблескивали остатки кориума, слишком мелкие, чтобы имело смысл выковыривать их из стен; нависший над головой потолок грозился опуститься еще ниже, похоронив под собой всех, кто зачем-то сейчас лез по старой шахте.

С каждым шагом становилось все темнее. Вспокоенные светлячки вытянулись длинным шлейфом, и гнать их вперед кучей не получалось. А перед поворотом они и вовсе повисли неподвижно, отказываясь лететь дальше. Миха пробовал шуметь, махать руками, даже крутить над головой снятой безрукавкой: живые фонарики лишь разлетались в стороны, забивались в щели и пытались улизнуть обратно. Мэтт прижался спиной к шершавой стенке и тоскливо подумал, что они тут как на ладони, зря только мошку спугнули. Но идти дальше было самоубийством: впереди мог быть и завал, и обрыв, и вертикальная штольня, да что угодно – в темноте на раз свернешь голову.

– Смотри, как странно, – Миха дернул его за руку и показал куда-то в угол.

Сначала Мэтт не понял, куда смотреть, и секунд пять честно таращился в темноту, а потом заметил, как светящее облако медленно отплывает от стены, словно... его ветром сносит.

– Думаешь, там выход?

– Оттуда явно дует.

Найти щель удалось не сразу, даже пришлось светлячков подогнать ближе, чтобы рассмотреть. А когда нашли, Мэтт только скептически хмыкнул, не испытывая особого желания лезть под каменную плиту.

– Я первый пойду, – решил Миха. – Далеко не полезу, гляну и все.

Мэтт подумал, что с той стороны плиты никаких светлячков нет, и спорить, предлагая свою кандидатуру в герои, не стал. Но на колени опустился, готовясь, если Миха там застрянет, тащить его обратно.

Но Миха не застрял.

– Эй, Мэтт, лезь сюда...

Пришлось ложиться животом на острые камни и ввинчиваться под нависший камень. Лаз был не таким уж узким, и Мэтт достаточно легко прополз следом за приятелем. Выбрался, огляделся и... опять сел на пол.

– Кварки ржавые...

– Они самые, – так же ошалело согласился Миха. – Чума, правда?

– Мы что... открыли портал в цивилизацию?

Светлячки не требовались, обшитые самым настоящим пластиком стены среагировали на движение и начали мягко светиться сами собой, потолок тоже не отставал, и довольно большой зал осветился ровным белым светом. Не меньше половины пространства занимали длинные столы, заставленные какими-то приборами и склянками, как в обычной школьной лаборатории, только две темные капсулы био-инкубаторов, стоящих в дальнем углу, выбивались из общей картины. В школах обычно людей не выращивают.

А еще в школах не ставят деревянных идиолов.

– Я не удивлюсь, если это и есть их Великая Окхана, – сказал Миха, ткнув рукой в деревянную тетку, сурово уставившуюся на непрошенных гостей. – Или как там ее звали?

– Ты хочешь сказать, что мы провалились в Чертоги? – мрачно поинтересовался Мэтт, поднимаясь на ноги. Почему-то ему здесь не нравилось. – Давай поищем выход?

– Боюсь, мы через него сюда зашли...

Миха оказался прав. Они три раза обошли лабораторию по периметру, но ничего напоминающего дверь (или пульт, ее открывающий), не нашли. Было похоже, что вход завалило: там, где они залезли, были явные следы обвала.

– Зато крылатые сюда точно не попадут, – оптимистично резюмировал Миха, – а значит, мы тут спокойно подождем, пока им надоест нас искать.

– Если надоест, – проворчал Мэтт, разглядывая микроскоп.

Обычный такой микроскоп, пыльный и явно уже нерабочий, по крайней мере, попытка включить его не увенчалась успехом, деформированный, слегка потекший экран так и не засветился. Хотя, может, сел аккумулятор, а запасные на глаза не попались. Все-таки забавно, если в углу стоит идол, значит, это явно Храм, но какой-то уж очень странный... На центральной площади стоит Храм Великого Эльха, и там ничего такого нет, цветочки и курительницы, обычный языческий Храм, а тут вон как... Интересно, а если в гости к Ашеру сунуться, то там что будет? Плазмомет и боевой катер десанта?

– Любопытно, что это за язык?

Мэтт оглянулся. Миха подобрал с пола тетрадку и задумчиво ее листал.

– Покажи.

Бумажная тетрадь, сшитая по одному краю толстой нитью, рядом с био-инкубаторами смотрелась примерно так же, как маска чумного доктора, забытая в кабинке регенератора. Тет-

радь скорее подходила стоящему в углу идолу, у тех, кто притащил сюда инкубаторы, должен был быть доступ к обычному вирту. Или не должен? Может, у них тут электроны с байтами закончились, и на вирт не хватило, кто их знает. Плотная желтая бумага была исписана мелким, но вполне разборчивым почерком. По крайней мере, Мэтт смог безошибочно опознать дату.

March 15, 2385.

Шестьсот с лишним лет назад... Однако...

– Это староанглийский, я на нем книжку читал, – Мэтт пожал плечами. – Помнишь, мы Шекспира ставили? Я ради прикола на старом англише его прочел.

Школа, в которой учился Мэтт, была вполне себе виртуальной, как и театральные кружки при ней, и на каждую премьеру собиралась вся станция, достаточно включить вирт – и ты в театре: темный зал, бархатные кресла, парящая в воздухе сцена и бегущая навстречу рыжая Офелия... Мэтт тряхнул головой, отгоняя глупое воспоминание.

– Ну ты даешь, – восхитился Миха, – и ты понимаешь, что здесь написано?

– Местами, – признался Мэтт, – тут сплошные формулы – это точно мимо. Забавно, это правда жрецы писали? Какие продвинутые шаманы, а я думал, они только дождь вызывать умеют... И вообще, а где их бубны?

Миха молча перевернул листы и ткнул в последний.

– Да ладно... – Мэтт посмотрел в тетрадь, затем на идола и снова в тетрадь на аккуратно выведенное «Oksana Williams». – Они что, реально существовали? Да ты гонишь...

Миха развел руками, показывая, что он тут ни при чем.

– Угу, – Мэтт наугад открыл тетрадку и, подтянув к себе кресло (кресло, а не циновку!), принялся изучать написанное.

Без спайдера, способного легко переводить со всех языков Галактики (известных, конечно, а не таких, как местный), продираться сквозь написанное было трудно. Мэтт уже понял, что в руках у него дневник, где результаты экспериментов чередовались с обычными записками типа «дождь все не кончается, не думала, что тропики – это так утомительно» или «у Ани завтра день рождения, надо бы испечь пирог». И следом: «Опять все образцы пришлось ликвидировать». Мэтт даже сначала не понял, скользнул взглядом, зацепился за последнее слово, посмотрел на валяющиеся пробирки, а затем – на инкубаторы, каким-то седьмым чувством понимая, что речь идет не о выращенной плесени.

– Знаешь... – Мэтт потер виски, пытаясь избавиться от накатившей головной боли, – я не очень понял, но, кажется, они тут пытались синтезировать ген покорности, ну, типа: меняешь ДНК и получаешь болванчика, только приказы и может выполнять.

– Да ладно...

– Я, правда, даже половины не понял, но чего-то такое тут написано... – Мэтт вспомнил мертвые глаза кшари и зябко передернул плечами. – И мне кажется, у них получилось.

– Жесть какая... А зачем им это надо было?

– Вон у нее спроси, – Мэтт кивнул в сторону идола и вытер тыльной стороной ладони пот со лба. – Жарко здесь.

– Да? – удивился Миха. – Вроде нормально, даже прохладно.

Мэтт непонимающе приподнял брови: какое прохладно, пекло же! А потом вскочил на ноги, отшвырнул от себя тетрадку, быстро подошел к стене и прижал ладонь к пластику.

– Вот кварки! Я, кажется, знаю, отчего они тут все бросили и вход завалили. Тут жила за стеной! Уходить надо.

– Сильно фонит?

– Да не то слово. Пошли отсюда, быстро!

Миха посмотрел на плиту, из-под которой они вылезли, на Мэтта, задумчиво пожевал губу, прикидывая, что лучше (или, вернее, что хуже) – крылатые или радиация, – и сделал верный выбор.

– Ну пошли...

Им повезло, крылатые то ли не нашли вход в шахту, то ли вообще не искали рабов: деваться им все равно некуда, а за тем, что убогие работу прогуливают, пусть надсмотрщики следят. Кажется, они вообще зря в старую шахту полезли.

И уже перед сном в келье, после вечерней молитвы, Мэтт подумал, что надо было прихватить тетрадку с собой. Не так уж сильно она фонила, не так, как стены, можно было спрятать в шахте и попробовать спокойно дочитать, все-таки он так толком и не понял, правда эта госпожа Вильямс тупых слуг пыталась сделать или так... глупый роман писала... фантастический.

Но любопытство было не настолько сильным, чтобы возвращаться в заброшенный Храм.

Глава третья. Рудник Тин-Хаэ. В шаге от свободы

– Прилетел, – коротко доложил Миха.

Отец кивнул, но ничего не ответил.

– И? – упрямо набычился Мэтт.

Отец не хоронил Стехана, не видел, на кого он стал похож – с изуродованными распухшими руками, ввалившимися глазами и почерневшими губами. Не бросал в костер окровавленные простыни и не мыл заляпанный той же кровью пол.

– Карлос сегодня ночью кашлял, – жестко сказал Мэтт. – А Миха вчера опять кровью плевался. Чего мы ждем, а?

– Дьявол... – отец закрыл лицо ладонью и устало сгорбился. – Ладно, поговори с Айваном. Только осторожно, если поймешь, что ему и тут хорошо, сразу сворачивай тему.

Мэтт кивнул: это понятно, кто еще, кроме него, на эр-кхарском может объясняться. Хорошо бы еще понять, что сам Айван хочет, он разговаривает так, словно боится, что слова закончатся, если он сразу слишком много их скажет.

Эр-кхарца удалось отловить только в забое: на утреннем восхвалении Великих и за завтраком он постоянно отирался около надсмотрщиков.

– Айван! – Мэтт поднял кирку.

– М-м-м...

– А тебе тут не надоело? Дерьмо же. Сдохнем тут и все.

– Такова воля Великих.

Острие кирки вгрызлось в мягкую породу, выворачивая камни. В самом начале руки начинали отваливаться минут через пять махания киркой, а сейчас ничего, втянулся, только к вечеру слегка хочется умереть.

– Ой, да ладно тебе. Великим больше нечего делать, как ждать, когда ты тут загнешься.

Эр-кхарец промолчал, и Мэтт попробовал зайти с другой стороны.

– В город не хочешь вернуться? У тебя семья, наверное, там осталась? Да и вообще там получше.

– Кшари. Сельва.

Мэтт ударил еще раз и решил перейти на привычный эр-кхарцу стиль общения.

– Корабль.

– Кшари, – равнодушно повторил эр-кхарец.

– Пятеро, – согласился Мэтт, – а нас шестеро. С тобой.

Эр-кхарец продолжал методично махать киркой, выворачивая камень за камнем. Пузырь со светлячками покачивался в такт ударам, украшая темные стены причудливыми тенями. Мэтт терпеливо ждал, хотя очень хотелось пнуть здоровяка в бок и поинтересоваться, информация до мозга дошла или застряла на уровне позвоночника?

– Когда?

– Скажу, – обрадовано выдохнул Мэтт.

Теперь отец точно не откажется, и они скоро будут дома. Он уверен, у них все получится.

Отец не отказался, ему пришла в голову идея получше. Взбешенный Мэтт, не веря услышанному, уставился на отца.

– Что?!

– Мэтью, это опасно. Если у нас получится – мы придем за тобой помощь. Подожди тут.

– Я не останусь! – отрезал Мэтт. – Я не ребенок! Хватит меня опекать!

– Мэтью...

– Хватит! Даже не думай!

– Ладно тебе, Пол, – проворчал Томас, – он не останется, ты же видишь. Прикроем мальчишку, не переживай.

Отец только махнул рукой. Мэтт хотел возмутиться на «мальчишку» и напомнить, что в шахте он работает на равных, но решил промолчать: пока он будет спорить и орать, все самое важное пропустит.

– Кшари тут и тут, – Миха нарисовал на глиняном полу две точки, – незаметно к кораблю не подойти. Они не отходят, так и торчат на одном месте.

– А если напроситься в бригаду, которая погрузкой занимается? – задумчиво предложил Томас. – Если я попаду внутрь, смогу заблокировать шлюзы и они меня не вытащат.

– Так тебя туда и возьмут, – скривился Миха. – Вот если бы их отвлечь...

– Как?

– Не знаю, пожар устроить...

– Где? – удивился Карлос. – В этом болоте?

Мэтт задумчиво дернул себя за ухо и наклонил голову к плечу.

– Помните, мы мох такой горючей штукой выжигали? Я знаю, где они хранят эту смолу.

– Откуда знаешь? – нахмурился отец. – Мэтью, я же просил не лазить никуда.

– Я и не лазил, – отмахнулся Мэтт, – но склад охраняет один крылатый. А если со стороны сельвы подойти, то там щель есть в стене. Хорошо гореть будет.

– Допустим, – согласился Миха, – а где взять огонь?

Мэтт решил на явно обещающий неприятности взгляд отца не обращать внимания.

– На кухне. Они же как-то готовят, значит, у них есть зажигалки... или огниво, вот!

– Огниво! – заржал Миха. – Ты еще предложи камнями друг об друга постучать.

– Неважно, – отмахнулся Мэтт, – если мы сможем поджечь склад, крылатые сразу туда рванут.

– А если не рванут? – усомнился Карлос.

– Тогда мы вляпаемся! – жизнерадостно подтвердил Миха.

– Мудрость Великих бесконечна, они даровали вам жизнь, и вы должны...

Мэтт косил глаза на Айвона. Тот увлеченно молился, почти утыкаясь лбом в деревянный настил. Все-таки местные на всю голову ушибленные, ну чего ему эти Великие сделали, что он так усердно их милости жаждет? Хотя, с другой стороны, помощь каких-нибудь богов им сегодня не помешала бы. Может, Святую Космодеву попросить? Она благоволит всем космолетчикам, чем они хуже. Да и говорят, что тетка она была боевая, точно бы этим Великим наваяла.

– Идите и не забывайте благодарить Великих!

Мэтт вскочил на ноги и повернулся к Айвону. Эр-кхарец едва заметно кивнул, подтверждая, что все в силе.

Грузовика не было почти двадцать дней, вчера он прилетел, и откладывать захват уже никто не хотел.

Острозаточенные кирки лежали у входа в шахту, забрать их оттуда было делом десяти минут, главное, чтобы надсмотрщики спать ушли. Там же, под старой, полусгнившей корзиной валялись и зажигалки: полые трубки с поршнем и кусками странной коры. Пришлось повозиться, прежде чем удалось сообразить, что при резком нажатии поршня эта кора начинала тлеть, а дальше ее надо было срочно вытряхивать в плоску с маслом, и оно вспыхивало, как порох. Нормальных зажигалок местным надо было ждать еще лет пятьсот.

Из душа – плетеная загородка и труба, торчащая из скалы, пять звезд, чистое сибаритство – Мэтт вышел последним. Вода текла еле теплая, стоять под ней было неприятно, да и Рябой

Джек уже нетерпеливо помахивал плеткой, но Мэтт хотел убедиться, что остальные надсмотрщики ушли, никто не остался сидеть под изогнутой крышей, попивая кислую настойку из боргара. Но, видимо, усилившийся дождь сделал вечер недостаточно томным, и надсмотрщики раньше уползли в свой дом, а может, Святая Космодева услышала молитву и расчистила путь, убрав лишних свидетелей.

В келью Мэтт не пошел, потоптался в коридоре и опять выглянул во двор, присматриваясь. Рябой Джек тоже убрался. Надсмотрщики не имели привычки по ночам проверять рабов – куда они денутся? Если какому идиоту и придет дурная мысль попробовать выбраться за пределы поселка, там их кшари перехватят. А кого не перехватят, тех в сельве сожрут.

– Ушли, – тихо сказал Мэтт, заметив выглядывающего из своей комнаты Миху, – зови остальных.

Склад с горючей смолой был под скалой, в стороне от остальных складов, что было логично: никто не будет хранить горючку рядом со всем остальным.

Айван с Томасом и Михой должны были сразу идти к грузовику и ждать, когда кшари рванут тушить пожар, а остальным надо было этот самый пожар обеспечить. Отец пытался и Мэтта отправить ждать на тропе, пришлось напомнить, что проход к складу знает только он, да и зажигалки он с Михой добыл!

Спутников у этой планеты не было, тяжелые тучи стерли звезды, а редкие фонари остались позади. Вокруг разливалась непроглядная чернильная ночь, щедро сдобренная треском, писком и чьим-то порывиванием. И единственное преимущество кромешной тьмы было в том, что ночью кшари не летали.

– Кварки ржавые, – вполголоса выругался Мэтт, споткнувшись об очередную торчащий корень.

– Тише, – тут же шикнул отец непривычно напряженным голосом.

Мэтту тоже было не по себе – и от темноты, и от зловещих шорохов, но, главное, от кирки в руке. Раньше он не представлял ее в роли оружия и понятия не имел, как ею бить. Он вообще драться не умел: практиковать на станции кулачные бои было не с кем, ровесников-пацанов там не было, не драться же с девчонками или малышкой. Да и зачем драться? Глупость какая-то, все можно решить словами. Но сейчас Мэтт жалел, что отказался от тренировок с Михой: ему не приходило в голову, что на окраине вполне цивилизованной Галактики существует средневековье со всеми положенными ему атрибутами, включая священную инквизицию, и что он может в это средневековье вляпаться.

– Ты уверен, что мы тут пройдем?

Мэтт не ответил, пытаясь нащупать знакомую щель между камнями. Днем, когда он прятал фонарь, было все как-то проще, он не подумал, что может в темноте не найти тайник. Рука ткнулась во что-то мягкое, и Мэтт принялся торопливо отбрасывать куски мха. Затем вытащил пузырь и легонько встряхнул, заставляя светлячков проснуться. Отец быстро прикрыл фонарь захваченным из кельи пледом, так, конечно, света совсем мало, только под ноги смотреть, но это ерунда, главное, чтобы кшари не заметили.

Сквозь заросли удалось пробраться почти без потерь, Мэтт один раз зацепился за жгучую колючку, да и то успел отдернуть руку раньше, чем ползучая лиана выбросила щупальце. Судя по сдавленному шипению сзади, отцу повезло чуть меньше, но он тоже успел выпутаться.

Около плетеной стены никого не было. Мэтт вытащил из пояса зажигалки и аккуратно примостил рядом с глиняными шариками – отличные гранаты получатся, когда масло загорится.

– Гляну сначала, – тихо сказал отец. – Здесь меня подожди.

Мэтт пожал плечами: чего смотреть, он три дня назад проверял: на месте склад, и бочки со смолой никуда не делись. Шикарно гореть будет. Может, они даже с орбиты на эту красоту полюбуются.

Тихо скрипнула надломленная палка, и отец почти бесшумно скользнул в получившуюся щель. Мэтт продолжил возиться с зажигалками, распиливая по трубкам кору.

Над головой что-то зашуршало и застрекотало. Мэтт задрал голову и прищурился, пытаясь разглядеть, кому там не спится. Фейха. Смешной дракончик, симпатичный, но очень кусачий, лучше близко не подпускать. Мэтт еще немного понаблюдал за рептилией и опять опустил голову, нашаривая взглядом кору для зажигалок. И вздрогнул.

Перед ним стоял кшари.

Зажигалка выскочила из руки и бодрой лягушкой поскакала в заросли. Прикрытый пледом фонарь завалился набок. Мэтт вскочил, совершенно забыв про лежащую рядом кирку. Рванулся в сторону и... растянулся на земле. В шею уперлось что-то острое, а в следующий момент в лицо врезался тяжелый ботинок – и мир погас.

По лицу медленно стекали капли. Мэтт сначала удивился: он что, на улице спит? И руки затекли... А потом понял. Когда смог поднять голову и оглянуться. Он стоял на коленях у столба и не падал только потому, что руки были прикручены к этому самому столбу. Рядом у такого же столба стоял отец, дальше Томас, Миха и Карлос. Живы...

Мэтт хотел обрадоваться, но вместо этого застонал от жгучей боли в вывернутых суставах. Небо уже светлело, значит, они тут всю ночь провисели.

– Пап... Па, слышишь меня?

Отец медленно повернул голову, и Мэтт судорожно сглотнул. Вместо лица был кровавый блин, вместо глаз – две узкие щели. Отца били, и били долго. Твари...

– Что случилось, па?

Отец молчал долго, собираясь силами, а потом прохрипел:

– Кшари... нас ждали кшари...

– И что теперь? Нас выпорют, да?

Его уже один раз таскали к столбу – надсмотрщики решили, что пара ударов плетью помогут рабу лучше справиться с наглостью. Действительно помогло, Мэтт предпочитал больше так сильно не нарываться. Сейчас, скорее всего, парой ударов они не отделаются.

Отец не ответил.

Ждать, когда за ними придут, пришлось долго. Мэтт даже решил, что их тут так и оставят, что это и есть наказание – висеть на столбе, пока руки не отвалятся. Но через пару часов появились жрицы, затем пригнали остальных рабов, похоже, всех, кто работал на шахте, последними прибыли крылатые.

Мэтт, закусив губу, следил, как те неторопливо планируют вниз, закладывая широкий круг и убирая крылья. Кшари никуда не торопились, они даже не взглянули в сторону рабов, поклонились жрецам и выстроились позади столбов. Мэтту отчего-то стало страшно. Эта равнодушная, деловитая неторопливость вымораживала.

– Они нарушили волю Великих! – жрец тоже не смотрел в их сторону, обращаясь к остальным. – Они хотели убить наших стражей! Мы слышали голос Великих! Мы знаем их волю! Их ждет сумрачный мир Арроха!

Мэтт хотел сказать, что они никого не собирались убивать, да и как они могли бы это сделать? Но жрец продолжал говорить, и мнение связанного раба его не интересовало. Мэтт закрыл глаза, чувствуя, как по спине ползет липкий холод. Пусть их выпорют! Бросят у столба без еды! Запрут в шахте! Святая Космодева, пожалуйста...

Жрец повернулся.

– Просите милости Великих.

Мэтт торопливо оглянулся на отца и кивнул:

– Мы просим, да... Простите... Великие... Да как их просить?!

Голос у Мэтта задрожал, он не понимал, почему молчит отец, и Миха, и остальные... Они не поняли, что сказал жрец! Надо перевести!

Мэтт повернулся и замер. Кшари приставил меч к горлу Томаса, оттянув ему голову назад.

– Нет... остановитесь... вы не можете...

Черный меч дернулся слева направо, и красная кровь хлынула на светлую безрукавку.

– Папа!

Мэтт видел, как черное лезвие чиркнуло по худой шее Михи, как кшари неторопливо подошел к отцу и потянул его за волосы, заставляя поднять голову. И опять хлынула кровь.

Воздух застрял в горле, намертво заблокировав крик.

Чья-то рука схватила его за волосы, Мэтт дернулся, пытаясь увернуться, но не смог. Острое лезвие царапнуло шею. Он уже понимал, что будет дальше, но не мог выдавить из себя ни звука. Просто смотрел на тело отца и молчал. Кшари отчего-то медлил.

– Сколько ему лет?

– Четырнадцать, – торопливо шагнул вперед Рябой Джек и поклонился. – Четырнадцать, страж.

– Что он делает на шахте?

– Привезли с остальными.

– Выпороть.

Чужая рука отпустила волосы, и Мэтт опять повис на вывернутых руках. Что сказал надсмотрщик, он толком не понял.

Веревка на руках ослабла, а потом и вовсе исчезла. Мэтт упал на землю и завыл.

Он провалялся в келье почти пять дней. Боль в расплосованной спине потихоньку утихла, зато внутри все горело огнем. Карлос должен был проработать у них всего полгода, на далекой Латуни его ждали жена и дочка, он хотел заработать денег и вернуться... Миха, он всегда смеялся, даже когда больно и плохо... Томас учил водить грузовик и долго ругался, когда они чуть не протаранили самый крупный астероид... Теперь уже не будет ругаться.

Про отца он старался не думать. Он просто не мог.

Мэтт перевернулся на бок, подтянул колени к груди, вытащил из-под циновки брелок и сжал его. Уродец перестал ухмыляться, лишь болезненно кривился. Где-то на планете была Гая, но он не знал – где. И найти ее он не сможет. А больше никого нет... Лучше бы кшари и ему перерезал горло.

Говорят, если плакать, то будет легче, но слез не было. Ничего не было, только пустота и огненный еж внутри.

– Пора на работу, энэ.

У входа в келью стоял Рябой Джек.

Мэтт молча понялся и двинулся к выходу. Наверное, его переведут в другую бригаду или вообще уберут из шахты, Мэтту было все-равно.

В поселке было тихо. Плетеные дома-деревья тихо шуршали кронами. Тяжелые тучи лениво ползли по небу, цепляя брюхом макушки деревьев. Плакал дождь. Мэтт даже не знал, где похоронили отца и хоронили ли вообще. Могли и в сельву тело выбросить. Можно было спросить надсмотрщика, но Мэтт не стал.

Они прошли мимо центральной площади. Столбы стояли на месте, а вокруг был насыпан свежий песок. И идол Великого Эльха равнодушно взирал на пустую площадь.

Его все-таки перевели в другую бригаду. Мэтт только угрюмо кивнул и взял кирку из кучи. Знакомиться с остальными у него желания не было, как и наткаться на жалостливые взгляды, а еще лучше – слушать про волю Великих.

– Энэ, надеюсь, сегодня вы сможете норму сделать!

Мэтт вздрогнул и медленно обернулся. У входа в штольню стоял Айвон. На поясе у него висела плеть. Мэтт заторможенно подумал, что его не было на столбе, а ведь должен был быть, он же шел с Томасом... Кшари знали, что они придут и ждали их. У раба есть единственная возможность заслужить прощение Великих и стать энэном²²...

Мэтт хрипло вскрикнул, бросился вперед, как таран, врезался в крупное тело эр-кхарца и рухнул на землю вместе с ним. А потом ударил, и еще раз, и еще... Не замечая, что бьет киркой, которую так и не выпустил из рук. В лицо плеснуло горячим, кто-то ухватил за плечи, перехватил руку, завернул ее за спину. Мэтт рычал, вырываясь и пытаясь ударить еще раз, не понимая, что больше уже не надо.

На этот раз его не били. Оттащили в яму, бросили в лужу и закрыли сверху плетеной крышкой.

Мэтт тяжело привалился к стене и тупо уставился на окровавленные руки. На этот раз его точно убьют. Ну и ладно. Он все-равно не хочет жить. Незачем уже...

Пришли за ним через пару дней. И не кшари, которых он ждал, а Рябой Джек.

– Тебя отправляют в Храм Хур-Саг. Тебе нет пятнадцати, а дети не работают в шахтах.

– Мне есть пятнадцать, – равнодушно возразил Мэтт. – Скоро шестнадцать.

– Не думаю, что тебе стоит об этом рассказывать. Подари себе еще год жизни, Мэтью.

Надо же, надсмотрщик помнил, как его зовут.

– И чти волю Великих, еще одна ошибка, и ты отправишься на алтарь.

– Плевать...

Рябой Джек помолчал и тихо добавил:

– Айвон под обвал попал, такая жалость. Камень голову размозжил. Опять энэ плохо свод укрепили.

Мэтт недоверчиво покосился на надсмотрщика.

– Почему ты мне помогаешь?

– Я всем помогаю, – пожал плечами Рябой Джек, – только вы этого не понимаете. Тут тоже можно жить... и это лучше, чем умереть. Просто чти волю Великих.

Мэтт не ответил. Он смотрел, как на край поляны опускается крылатый. Страх не было совсем. Он весь закончился там, у столба, оставив вместо себя что-то иное, непонятное и непривычное. Это крылатые убили отца. Эти твари без лиц с мертвым взглядом, они не люди. Они не заслуживают жизни. Они должны захлебнуться кровью, как захлебывался отец. Все, без исключения.

Мэтт вдруг криво ухмыльнулся.

Он рано собрался умирать, не сейчас. Он выберется с этой дерьмовой планеты, а потом... Потом вернется, чтобы выжечь тут все дотла. Попробуйте остановить плазму своими мечами, твари.

²² Энэн – смотритель за рабами.

Глава четвертая. Храм Хур-Саг. Маленькая аштэ

Мэтт проводил взглядом кшари и прислонился к столбу. Спину жгло. Наверное, все-таки не следовало бить морду надсмотрщику. Но достал ведь! Кшари – хозяйева! Ты должен кланяться! Скажи спасибо, что не убил! Спасибо! Сейчас на колени встану...

А еще этот русский, что толкнул его на тропе. Невысокий и какой-то квадратный... тумбочка крылатая, проще перепрыгнуть, чем обойти. Такой же урод, как и все остальные.

Из-под нависших лиан вышла тройка кшари, эти его даже не заметили, сразу свернули к левой тропинке и беззвучно растворились в зарослях. Мэтт сплюнул – не поселок, а проходной двор какой-то. Лучше бы его на руднике оставили, в Хур-Саге крылатых было на пару порядков больше. Он торчал здесь уже полгода, а мечта выбраться с планеты так и оставалась мечтой. Местные рабы были полными амебами. Рисковать и нарываться на мечи кшари никто не хотел, все шарахались от него, как от прокаженного, стоило только заговорить про побег. Мэтт особенно и не предлагал никому, слишком мало времени прошло, чтобы забыть цену прошлой попытки. Четыре жизни – цена того, что он не смог угадать предателя, хоть что-то заподозрить и проверить лишний раз.

Пятую жизнь, отобранную собственноручно, Мэтт никогда не вспоминал.

Мэтт закрыл глаза. Ночевать у столба становилось дурной привычкой.

Почему говорят, что время лечит? Его оно совсем не лечило. Боль не отступала, так и ворочалась огненным ежом внутри. Он утрамбовывал ее, старался заглушить, но не получалось, удавалось лишь скрыть от других, спрятать за злой ухмылкой. Никому не показывать, как внутри все медленно выгорает, превращаясь в пепел. Он намертво застрял на стадии гнева, густо приправленного отрицанием, и ничего не собирался с этим делать. Он не хотел торговаться с судьбой и что-то ей обещать и уже тем более не был готов смириться с неизбежным. Не дождутся. У него есть цель, и он будет идти к ней, а пока...

Улыбайся, их это бесит!

Он и улыбался, скаля зубы и нарываясь на очередную порку.

Отвязали его только утром и сразу отправили в сад собирать фрукты. Про завтрак надсмотрщик благополучно забыл, а гордость не позволила напомнить, что ужин накануне он тоже пропустил.

Сад был большим. Даже маленький пруд, заботливо обложенный камнями, имелся. Идеальное место для отдыха, но фрукты сами себя не соберут, ветки не обрежутся, а тропинки не подметутся. Жрецы, и уж тем более кшари, этим заниматься не будут. Для этого рабы имеются. Отличная работа, главное, монотонная, успокаивает. Так и хочется надсмотрщику корзину на голову надеть.

Мэтт поудобнее уселся на ветку, сорвал темно-бордовую грушу и надкусил. Он предпочитал считать это грушей, хотя по вкусу фрукт был похож на сушеный несладкий финик. Но пропущенные ужин и завтрак намекали, что лучше такая груша, чем совсем ничего.

В кустах что-то зашуршало. Мэтт плотнее прижался к стволу и замер. Может, не заметят? Выкинуть грушу он уже не успевал. Но вместо надсмотрщика на тропинку выбралась девчонка. Мэтт даже вздрогнул, зацепившись взглядом за темно-рыжие волосы, но тут же заметил красный плащ и разочаровано вздохнул. Не она. Девчонка воровато оглянулась и юркнула за соседнее дерево. Мэтт удивленно приподнял брови: за кустами сад заканчивался, дальше начинались скалы, и делать там жрице было совершенно нечего. Да еще такой мелкой, она же ребенок совсем, тут такие по одному не ходят, только стайкой в сопровождении старших.

Мэтт подумал и спрыгнул с дерева. За кустами никого не было. Мэтт отбросил в сторону огрызок и принялся карабкаться по камням – не могла же жрица телепортироваться отсюда. Лезть пришлось недолго. Мэтт перепрыгнул очередной камень и остановился. На склоне,

опасно нависнув над обрывом, росла здоровущая сейха. Около нее и прыгала жрица, пытаюсь дотянуться до ветки, но та была слишком высоко.

– Подсадить?

Девчонка шарахнулась в сторону, споткнулась о камень и чуть не грохнулась.

– Энэ? Что ты тут делаешь?

– Мимо шел, – флегматично сообщил Мэтт, подходя ближе. – Так тебе помочь?

Девчонка задрала голову, надменно вскинув подбородок. Макушкой она едва доставала Мэтту до плеча, отчего получилось смешно. Совсем не похожа на Гаю, только если ростом – такая же мелочь. Волосы темнее, лицо круглее, даже маска не скрывает широкие скулы и упрямый четкий подбородок, но главное, глаза другие: у жрицы они были янтарные, с темно-коричневым ободком, а вовсе не зеленые. Мэтт даже расстроился, хотя сам не понял, какое ему дело до цвета глаз жрицы.

– Ты не можешь со мной разговаривать, энэ!

– Ладно, – пожал плечами Мэтт и, развернувшись, двинулся обратно.

– Энэ, стой!

Мэтт дисциплинированно остановился.

– Подсади меня.

Мэтт задумчиво почесал нос, посмотрел на жрицу и мотнул головой.

– Не, не буду.

– Что?

– Не буду, – насмешливо повторил Мэтт, – хотя... слово «пожалуйста» может исправить ситуацию.

Что-то Мэтту подсказывало, что девчонка жаловаться на него не побежит: не похоже, что она тут легально расхаживает, а скорее – совершенно нелегально.

Девчонка возмущенно зашипела и, отвернувшись, попыталась опять допрыгнуть до ветки. Неудачно.

Мэтт сел на камень. Идей, что малолетняя жрица забыла на дереве, у него не было, но наблюдать за ней однозначно интереснее, чем собирать груши.

– Энэ! – жрица сердито топнула ногой. – Помоги мне... пожалуйста.

У Мэтта от изумления брови сами поползли на лоб. Что, правда? Жрица просит раба? Может, у него галлюцинации от жары? Или от голода – одна груша вместо ужина и завтрака как-то несерьезно.

Мэтт встал, подошел к дереву и, ухватив девчонку за талию, легко забросил ее на ветку. А потом подпрыгнул, уцепился за соседнюю и подтянулся, удивившись, что, похоже, начал привыкать к гравитации: вначале он не то, что подтянуться не мог, ходил с трудом, а сейчас нормально.

Чуть выше ствол раздваивался, образуя ровную площадку посередине – как раз два человека встанут. Мэтт забрался на площадку и протянул руку.

– Давай. И кстати, а зачем мы сюда лезем?

– Тише ты, – зашипела девчонка, – не спугни. И сюда я лезу, а не ты.

– Ага...

Девчонка протиснулась мимо него и, совершенно наплевав на обрыв под ними, высунулась в щель между стволами. Мэтт торопливо схватил ее за пояс: чокнутая какая-то, сейчас же навернется.

– Смотри.

Мэтт тоже высунулся, продолжая одной рукой держать жрицу, а второй ухватившись за ветку.

Внизу на скальном выступе было гнездо. Три дракончика ушу²³ топорили лимонные гребни, смешно разевая рты и недовольно хлопая короткими крыльями.

– То есть... мы ради гнезда лезли?

– Ага, – подтвердила жрица, – его от Храма видно, но плохо. Я давно хотела залезть.

– Сумасошлатая, – резюмировал Мэтт, – а если свалишься? Или их мамаша прилетит?

– Не прилетит, она до вечера в сельве охотиться будет, – жрица сунула руку в пояс и вытащила лепешку. – Интересно, поймают?

Мэтт пожал плечами, его больше интересовало, выдержит ли ветка, за которую он держится.

Девчонка оторвала кусок лепешки и бросила вниз. Лепешка, плавно спланировав, послушно легла рядом с гнездом. Птенцы ее даже не заметили.

– Дай мне, ты сейчас точно свалишься.

Мэтт дернул девчонку за пояс, затаскивая обратно, и отобрал лепешку. Отломил кусок, помял между пальцами, скатывая шарик, прицелился и бросил. Удачно. Самый борзый птенец подпрыгнул, распахнул рот и схватил мякиш, умудрившись крылом отпихнуть не такого расторопного собрата.

– Ух ты! А еще так можешь?

– Могу, – подтвердил Мэтт и откусил от лепешки. – Жрать хочу. А еще у тебя нет?

– Нет!

– Жалко. – Мэтт скатал второй шарик. – Как тебя зовут, аштэ?

– Мара.

– Мэтью... – Мэтт прицелился. – Можно просто Мэтт.

– Ты энэ, – дернула плечом Мара, – вам нельзя иметь имя.

На этот раз повезло другому птенцу. Мэтт усмехнулся, глядя, как возмущаются два других, и спокойно заметил:

– А тебе еще вниз спускаться.

Жрица недовольно засопела, но оспаривать сей факт не стала. Да, с ней точно проще, чем с кшари, хотя гонору у малявки не меньше, чем у крылатых.

Лепешка закончилась быстро. Мэтт забросил в рот оставшиеся крошки и посмотрел на жрицу: что дальше? Мара вдруг ткнула пальцем куда-то в сторону.

– Смотри! Здорово летят, правда?

Мэтт посмотрел и скривился. Давно их не видел, да. Почти соскучился.

– Я им завидую, – с детской непосредственностью призналась жрица. – Если бы я родилась мальчишкой, то Великие наверняка выбрали бы меня в стражи. Не повезло. Аштэ быть скучно...

– Тебе сколько лет? – удивился Мэтт.

– Скоро тринадцать, – нахмурилась Мара, – а что?

– Не, ничего. А тебя не напрягает, что они тупые убийцы?

²³ Ушу – дракон.

– Они стражи! – возмущения в голосе жрицы хватило бы на троих и еще бы осталось. – Они нас защищают! Не смей их оскорблять, энэ!

– Зашибись, они защищают! Уроды крылатые!

В грудь Мэтту уперся палец.

– Закрой свой рот, энэ! Ты никогда не станешь таким, как они! Ты дикий!

Мэтт осторожно отодвинул жрицу в сторону, схватился за другую ветку, качнулся, повиснув на руках, и прыгнул на землю.

– Сама слезешь.

Развернулся и, не оглядываясь, пошел по тропе вниз.

Дошел до груши, посмотрел на пустую корзину, выругался и пошел обратно.

Жрица лежала животом на ветке, пытаясь сползти пониже. Получалось у нее это плохо.

– Прыгай, малая. Поймаю.

Норму до вечера Мэтт собрать не успел, но надсмотрщик то ли не заметил, то ли решил не связываться лишней раз с наглым рабом. Так что свой ужин Мэтт все-таки получил.

Местный поселок почти не отличался от того, что был рядом с рудниками. Те же деревья-дома, душ на улице, комнаты-клетки. Единственное, в этом поселке жили еще и женщины. Их барак стоял чуть дальше мужского, но запрета на общение не было, и результаты этого общения бегали во дворе, хотя Мэтт искренне не понимал, как можно в кого-то влюбиться да еще рожать детей, когда ты раб. Точно – амебы.

В столовой разделение на женскую и мужскую части было, но тоже условное: большой зал делил на две неравные половины то ли длинный низкий стол, то ли широкая скамья, работающая еще и как раздаточная лента. Мэтт купнул шарик риса в сладковато-перечной подливке и забросил его в рот. Большинство рабов уже закончили ужин и сейчас толпились у того самого столика-скамейки, на который выставили маленькие, выдолбленные изнутри тыковки, плотно заткнутые спрессованной травяной пробкой. Вино рабам давали по большим праздникам, зато настойку из вываренных, а потом еще основательно выдержанных листьев боргара не жалели. Спирта в ней не было вовсе, но голова после нее была пустая и звонкая, с редкими глупыми мыслями. Да еще тошнить начинало.

Мэтт встал и, жуя на ходу лепешку, подошел к столпившимся у стола с десертом мужикам.

– Говорю вам, в форме были. Их к Храму Ашера отволокли.

– Кого? – не понял Мэтт.

– Кшари новых поймали, – пояснил кто-то сзади. – Болтают, среди них флотские были. Только, похоже, брехня.

– Да я сам видел, – начал кипятиться первый, – что я, флотских не узнаю?

– И сколько их? – заинтересовался Мэтт.

– Трое. Двое совсем зеленые, один постарше. Офицер вроде.

В то, что кшари смогли захватить офицера космофлота, верилось с трудом, не того уровня рыбка, не по зубам местным акулам, но мужик едва кулаком себя в грудь не бил, доказывая обратное.

– Тьфу, – сплюнул на землю невысокий, щербатый мужичонка, – и чего их сюда принесло? Как бы за ними остальные не явились. Век бы их не видеть.

Сам Мэтт с флотскими раньше не встречался, но болтали про них разное. И что милосердием боевой флот Лиги не страдает, прокладывая себе путь ракетами и не сильно заботясь о сопутствующих потерях; что за своих они мстят так, что живые завидуют мертвым; что превратить планету в радиоактивную пустошь для них, как кофе на завтрак выпить. Говорили и другое. Что без них Галактика давно бы превратилась в смертельный котел; что лишь флот

смог остановить Вторую галактическую, раскидав противников по углам, как глупых котят; что, когда совсем плохо, надежда остается только на закованный в черную броню десант...

Гая, например, их люто ненавидела: она была родом с Нью-Ирлы, не самой спокойной планеты, вечно раздираемой локальными войнами, и видела, что остается от жилого дома, когда рядом в землю втыкается ракета. Когда она втыкается в сам дом, от последнего не остается ничего. Гаю к ним на геологическую станцию забрала тетка, подальше от заново разгоревшейся войны, и хоть как-то положительно отзываться о космофлоте в присутствии рыжей было опасно для здоровья. Он один раз попытался выступить в защиту космических миротворцев, но тут же нарвался на злое: «ты англосакс, тебе не понять» – и решил не обижать подругу. Гады так гады, чего спорить. Тем более он собирался стать капитаном собственного грузовика, а дальнобойщики традиционно флотских недолюбливали. Но сейчас он был готов сам явиться в ад и всучить дьяволу душу, лишь бы в бездонном небе Эр-Кхара появились боевые птицы Лиги.

– А эти... – Мэтт мотнул головой в сторону вышки, точащей красным грибом над макушками деревьев, – лучше, что ли? Еще скажи, что тебе тут нравится.

– А что? – хохотнул щербатый и хлебнул боргара. – Не стреляют, хавчик каждый день, да и наливают.

Мэтт повернулся к первому, решив, что вступать в глупый спор не имеет смысла. Доказать идиоту ничего не получится, а время потратит.

– У Храма Ашера, говоришь?

– Мэтт, ты по плетке соскучился? – заржали сбоку. – Снова нарвешься! – И пихнули в руку тыкву. – На, выпей, расслабься.

Мэтт машинально взял предложенное, продолжая задумчиво смотреть на тропинку. Храм Ашера был далековато, на четыре террасы выше их поселка, но что гораздо важнее, ночью покидать бараки было запрещено и следили за этим строго. Это на рудниках любая попытка бегства была заранее провальной, здесь было куда бежать, город был совсем недалеко. И космодром тоже. А значит, лучше пробовать днем. Оставалась сушая мелочь – придумать, как убедить надсмотрщика, что ему надо не в сады, а ровно в противоположную сторону.

Уже выйдя из столовой, он с удивлением обнаружил в руке тыкву с плюхающей в ней настойкой. Пить ее не хотелось, нести обратно тоже, и Мэтт, подумав, решил, что лишним не будет: он еще месяц назад нашел удобный камень, отлично прикрывающий небольшую яму – рядом будешь стоять, не заметишь. Сейчас в тайнике болталась только веревка, но можно к ней и настойку добавить, пригодится потом. Утром и отнесет, а пока можно и в пояс сунуть: тыковка маленькая, не заметят.

За ночь ни одна гениальная мысль так в голову и не забрела. Так что с утра пришлось плестись к знакомой груше. Мэтт поставил на землю корзину и покосился на тропинку. А если сбегать? Быстро не получится, могут засечь, и он окажется у столба или в яме, что еще хуже. Потеряет время, а пленников вряд ли будут долго тут держать, если сразу в поселок не привели, значит, на рудники отправят.

– Энэ!

Мэтт сделал вид, что не услышал.

– Мэтх!

– Чего тебе?

В кустах стояла Мара и махала рукой, подзывая к себе.

– Можешь меня посадить?

– Чтобы ты мне опять про крылатых начала рассказывать?

– Не буду, – серьезно пообещала Мара и тут же добавила: – А у меня сегодня две лепешки и сыр.

Мэтт задумчиво пнул корзинку ногой.

– Если я не соберу норму, меня накажут.

– Мы быстро, – торопливо пообещала Мара, – глянем и все.

– А ты не должна сейчас учиться... или молиться, что вам там положено?

Мара независимо пожала плечами, но все-таки ответила.

– Аштэ Руха такая старая, что чаще спит, чем учит. Она не заметит, что меня нет.

– Значит, прогуливаешь... – Мэтт отодвинул корзину и протянул руку: – Давай сыр.

Сейха была на месте, гнездо за ночь тоже никуда не делось.

Драконята хлебному шарикуну обрадовались. Мэтт высунулся подальше, наблюдая, как зубастая мелочь бестолково талдычит, возмущаясь из-за слишком скромного подношения. Пожалуй, драконы – единственное, что на этой планете было прикольным, жалко только, что они кшари не питаются. Хотя, говорят, иногда нападают... И правильно делают. Могли бы и всех сожрать.

Мэтт покосился на жрицу и равнодушно поинтересовался:

– Говорят, кшари диких каких-то поймали?

– Ага, – подтвердила Мара, высунувшись в щель почти по пояс. – А кинь вон тому, самому маленькому?

– И что там троих в Храм Ашера отвели.

Мара только кивнула, мелкие драконы ее явно интересовали больше каких-то там диких.

– Вот бы на них посмотреть.

– Зачем?

– Интересно же. Если их в Храм потащили, то они точно необычные.

– Не знаю...

– А я... – Мэтт на секунду замешкался, не зная, что предложить, и подкинул на ладони хлебный шарик, – научу тебя правильно кидать. Если ты меня к ним отведешь.

– Как я тебя к ним отведу, – удивилась Мара, – ты же в саду работаешь.

– Придумай что-нибудь. Если бы я был аштэ, наверняка бы придумал.

– Ты не можешь быть аштэ, – нахмурилась Мара, – ты – дикий.

– Привет, капитан очевидность, – вздохнул Мэтт. – Давай ты мне прикажешь тебя про- водить. Или отнести что-нибудь.

– Мне туда тоже нельзя, – призналась Мара, – я еще аштэ-хян.

– Ну хоть поближе подойти, – попросил Мэтт, – а дальше я сам.

Мара посмотрела вниз, на птенцов, потом на Мэтта и кивнула:

– Я попробую. Показывай, как кидать.

Надежда, что маленькая жрица придумает что-нибудь толковое, была призрачной, но других союзников у него не было. Да и жрица была так себе союзником, но хоть что-то.

Мэтт сам толком не знал, зачем ему нужно было срочно поговорить с флотскими, если они вляпались – попали в плен, – то вряд ли смогут помочь. Но в Галактике постоянно шли войны, то там, то тут, и космофлот Лиги всегда принимал в них участие, а значит, эти трое как минимум обучены драться, а если повезет, то и управлять звездолетами. И надо им объяснить, что курорт на этой планете так себе, отдохнуть не получится, надо выбираться, и желательно – живыми. А значит, флотским, если они не хотят отправиться на поля вечности, лучше утихнуть на время, не провоцировать крылатых, но параллельно искать корабль, который можно угнать. И самое важное, если они сделают это без него, то пусть не забудут за ним вернуться!

Мара появилась после полудня, когда надсмотрщик уже считал первые корзины, недовольно хмурясь и что-то отмечая карандашом в бумажном блокноте. Вышла из кустов и, ни на кого не глядя, заявила:

- Энэн, в Храм Великой Мот нужен один человек.
- Да, аштэ, – тут же согнулся в поклоне надсмотрщик, – сейчас подберу.
- Этот подойдет, – палец жрицы уткнулся в Мэтта. – Пусть идет за мной.
- Аштэ, лучше взять другого...

Мара изумленно приподняла брови, и надсмотрщик согнулся еще ниже.

- Конечно, аштэ, бери этого.

Мэтт тоже торопливо поклонился.

Мара, уверенная, что приказ выполнят, тут же развернулась и пошла вверх по тропе. Мэтт бросился догонять, но заговорил, только когда сад окончательно скрылся за паутиной лиан.

- Храм Великой Мот немного не там.
- Меньше болтай, энэ, – оборвала его Мара, – я обещала – я сделаю.

Мэтт промолчал, решив не обижаться на «энэ». Пусть хоть жабой назовет, но доведет его до пленников.

Поднимались они долго, сад был на нижних террасах, а кшари облюбовали себе место почти на самом верху. Им самим не приходилось ползать по дурацким тропам, вихляющим между камней, а как к ним будут добираться остальные, крылатых мало заботило.

Мара уверенно прошла мимо тропы, ведущей к ее Храму, и полезла еще выше. Мэтт молча шел следом и даже почти не удивился, когда жрица свернула в заросли.

Мара в отличие от него двигалась уверенно, ловко уворачиваясь от торчащих веток и огибая растущий где попало бамбук. Мэтту приходилось сложнее, лианы так и норовили зацепиться за ноги, липкие стебли хватили за штаны, а бамбук упорно старался стукнуть по затылку – сельва никак не хотела признавать его своим. Мэтт, впрочем, отвечал ей взаимностью. Он вообще природу любил исключительно в голографическом виде, особенно фауну.

- Тихо, – прошипела Мара, – сюда иди.

Мэтт скользнул следом, тоже опускаясь на колени и прячась за камнем.

- Вон они.

Мэтт высунулся и тут же юркнул обратно.

- Там кшари!

Храм Великого Ашера Мэтт видел один раз и то издалека. Местные, недолго думая, взяли и вырубил его в скале, добавив пару колонн и воткнув перед входом идол самого Ашера. Судя по внешнему виду Храма, архитектор преследовал только одну цель – напугать врага. Мэтт бы не удивился, если бы обнаружил внутри черепа и кости, но в Храмы рабов не пускали, так что узнать, что там внутри, он не мог, да и не особо хотел.

Сейчас Храм за деревьями почти не был виден, Мэтт успел разглядеть клетку и стоящего рядом с ней крылатого. Кшари, похоже, их не засек. Мэтт полежал, прислушиваясь, а потом опять осторожно выглянул.

Действительно клетка, и в ней три человека. В серой с голубыми вставками форме. Кшари стоял к ним спиной, совершенно неподвижно, но так, что сразу было понятно – подойти ближе не получится.

- Мара, – шепотом позвал Мэтт, – мне очень надо с ними поговорить.

Глаза у жрицы стали круглые.

- Очень.

Мара замотала головой. Мэтт уставился на нее совершенно несчастными глазами.

– Ты ненормальный, энэ, – зашипела злым ежом Мара, – нас накажут. Я не хочу остаться без ужина. Нет!

Мэтт криво усмехнулся. Да, без ужина оставаться неприятно. Интересно, если он туда без жрицы сунется, его тоже без ужина оставят? Или сразу без головы?

Кшари повернулся и посмотрел в их сторону. Мара тут же дернула Мэтта за руку и мотнула головой, показывая, что надо уходить. Пришлось подчиниться. Ладно, главное он увидел – действительно флотские. Может, даже десант, эмблему он не разглядел, далековато сидели. Теперь он знает, где их держат и что рядом дежурит кшари... Задача усложнилась на порядок, маленькая жрица ему точно не поможет, тут нужен кто-то посolidнее.

– Спасибо, аштэ, – сказал Мэтт, когда они вернулись на тропу. – Я пойду, а то норму не успею собрать.

– Ты пойдешь к Храму Великой Мот, – сердито напомнила Мара, – мне велели привести энэ. Забыл?

Мэтт кивнул. Ну да, он же энэ, куда приказали, туда и пошел.

Храмом Великой Мот местные звали больницу. Сам Храм тоже был, и алтарь при нем, куда же без него, но гораздо больше места занимало низкое, длинное здание – госпиталь, скучный и неинтересный. Дом Великой был куда любопытнее.

Мэтт притормозил, разглядывая Храм. Он видел похожие на голографичеcкие со Старой Земли, кажется их называли пагодами. Такие же изогнутые крыши, яркие краски, только алтарь с тонкой канавкой кровостока нарушал идиллию, напоминая, что они на Эр-Кхаре и каждый может стать подарком для Великих.

– Аштэ, – звонко позвала Мара, – я привела энэ.

Из Храма вышел жрец, недовольно посмотрел на Мэтта и повернулся к Маре:

– Почему так долго?

– Он медленно ходит, – моментально сдала союзника жрица, – наверное, не привык еще.

– Иди к своим.

Мара поклонилась и, не оглядываясь, побежала в сторону госпиталя.

– Убери мусор и подмети двор, – приказал жрец, равнодушно глядя мимо Мэтта. – Потом помоги остальным.

Обычно надсмотрщик с утра выбирал тех, кто идет работать в Храмы, но, видимо, жрец решил, что трое энэ не успеют до вечера все убрать и послал ученицу привести еще одного. Удачно решил. Мэтт огляделся, прикидывая, можно ли до вечерней молитвы тут закончить и еще раз сбежать к Храму Ашера – отсюда было ближе, чем от барачков, да и вряд ли его будут провожать обратно, а значит, немного времени у него будет.

Остальные рабы не обратили на него внимания, продолжая копошиться у входа в госпиталь, и Мэтт решил начать с дальнего конца площади, тем более что там и метла была. Местная звезда доползла до зенита и принялась усиленно выжигать все вокруг. Эр-кхарцы звали ее Тейат. Мэтт задумался, имеет ли она отношение к созвездию Близнецов? Если он правильно помнил, четвертая по яркости звезда как раз носила такое имя. Красный гигант, двести с лишним световых лет от Старой Земли. Пешком не дойдешь.

Рядом с идолом стояла еще одна жрица, и Мэтт старался не смотреть в ту сторону, хотя посмотреть там было на что. Все – и жрицы, и кшари, и даже рабы одеты были примерно одинаково: безрукавки с капюшоном, короткие, широкие штаны и высокие ботинки, для сельвы самое оно. Но почему-то эта жрица выбрала безрукавку на пару размеров меньше, чем было нужно, по крайней мере, так считала ее грудь, старательно пытавшаяся выскочить из глубокого выреза, для порядка слегка утянутого шнурком. Штаны жрице тоже были немного тесноваты. А широкий пояс подчеркивал узкую талию, заставляя взгляд скользить чуть ниже.

Мэтт, сообразив, что он уже откровенно пялится на жрицу, постарался вспомнить, что еще знает про созвездие Близнецов, но все эти параллаксы, лучевые скорости и звездные величины явно проигрывали внушительным достоинствам аштэ. Мэтт опять посмотрел в сторону алтаря. Надо же, блондинка, тут такие редкость, чаще темные или рыжие. Интересно, а у этой глаза голубые или серые? Сколько ей лет, за маской было непонятно, но пояс бледно желтый, значит, младшая аштэ, не больше семнадцати. Мэтт уже примерно представлял местную

иерархию лекарей. Ученики, хян, ходили с белыми поясами; в пятнадцать они получали желтый пояс и становились младшими аштэ; в восемнадцать – синий и право лечить самостоятельно; у старших были темно-красные пояса. У аштэ других Храмов правила были примерно те же, только кшари носили всегда темный пояс, и разобраться, кто у них там главный, пока не получалось.

Жрица, поймав его взгляд, вдруг ухмыльнулась и зачем-то дернула шнурок, то ли стараясь уменьшить вырез на груди, то ли, наоборот, увеличить. Мэтт уткнулся взглядом в землю, чувствуя, как начинают пылать щеки.

– Энэ, я тебя раньше не видела. Новенький?

– Э-э-э... – Мэтт поднял голову и снова уперся глазами в грудь. – Меня раньше сюда не посылали.

– Понятно...

Жрица продолжала накручивать шнурок на палец, отчего щеки у Мэтта горели огнем. Буйная фантазия тут же нарисовала картинку, как тот рвется и... Мэтт даже зажмурился, пытаясь выгнать картинку из головы.

– А... сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – брякнул наугад Мэтт.

И почти не соврал. Если совсем честно, он даже не был уверен, что ему, например, не семнадцать. Местный календарь был убогим, тут даже не придумали месяцы, ограничившись термопериодами, а остальные дни привязывали к Великим: пять дней – до дня Ашера, десять – со дня Окханы и сорок – до дня Великой Мот. Сопоставить этот бардак с общегалактическим календарем было невозможно. Да еще сутки тут были явно длиннее стандартных. Пятнадцать ему исполнилось накануне нападения кшари, сюда их привезли перед самым Сикилем²⁴, скоро уже следующий, значит он тут почти местный год... а стандартных лет сколько? Два? Три? Или больше?

Мэтт наконец поднял голову. Глаза у жрицы оказались и правда голубые.

– Передай энэну, что завтра ты опять нужен здесь. Пусть прийдет.

– Хорошо, аштэ.

Мэтт торопливо поклонился, еще раз зацепившись взглядом за норовящую порвать шнуровку грудь. Жрица развернулась и, плавно покачивая бедрами, двинулась в сторону Храма. Мэтт проводил ее совершенно ошалевшим взглядом. А потом потряс головой: ему сейчас не о жрицах надо думать, а о том, как добраться до флотских. С другой стороны, если остаться работать при Храме, то шансы возрастают. Неплохо получилось.

Подобраться вечером ближе к клетке не удалось. Мэтт минут десять валялся за камнем, но кшари стоял как приклеенный, не двигаясь и, кажется, даже не дыша. Пришлось опять отползать в кусты, а затем идти в барак.

А утром надо было бежать в Храм Великой Мот. Сворачивать к клеткам он не рискнул, опаздывать и злить жрецов в его планы не входило. Была надежда, что его отправят выносить мусор в сельву, и тогда можно будет относить его подольше и подальше. Или сбегать к дальнему ручью за водой, там она вроде почище. Но его сразу отправили отмывать статую Великой Мот, не такая уж она была и грязная, слегка пыльная, но жрецам, похоже, требовалось стерильное божество.

– Энэ, иди за мной.

Мэтт как раз заканчивал домывать постамент и подумывал, будет ли большой наглостью, если он не сразу доложит, что закончил работу. Жрица вспомнила про него раньше.

– Да, аштэ.

²⁴ Сикиль – праздник Нового года.

Мэтт отодвинул ведро в сторону и послушно пошел за жрицей. Внутри Храм был большим и светлым. Мэтт почему-то ожидал увидеть грубые поделки из камней, кучу позолоты и аляповатые бумажные цветы, но ничего такого не было. Храм был почти пустым, если не считать еще одного идола, чаш для благовоний, пузырей-светильников в тонкой оплетке и, как ни странно, книг. Их было много. Стены-ветви так причудливо пропускали свет, что длинные стеллажи терялись, размываясь в бесконечности, и темные переплеты казались присыпанными золотистой крошкой. Он никогда в жизни не видел столько книг... Хотя он нисколько книг раньше не видел, кому нужны бумажные книги, когда есть нормальные, электронные.

Помимо книг, тут еще были бабочки. Много бабочек, они кружили под высоким потолком, наполняя воздух едва слышным шорохом. Одна даже уселась на нос Великой Мот, распахнула малиновые крылья и замерла. От разглядывания незапланированного украшения на лице божества Мэтта отвлекла жрица.

– Надо почистить ножи, энэ.

Мэтт заглянул в ящик и присвистнул. Ножей было много. Интересно, если он стащит парочку, они заметят?

– Это атам, ритуальный нож, – жрица вытащила длинный, узкий клинок, – а в вашем мире такие есть?

Мэтт сообразил, от чего ему придется оттирать ножи, и очарование Храмом пропало.

– Мы не приносим жертвы.

– Глупо, – пожалала плечами жрица и зачем-то уперла кончик ножа в ямку между ключицами, медленно повела вниз, цепляя шнуровку и целя в ложбинку. – Возьми в кладовке тряпку и пасту.

Мэтт заворуженно проследил взглядом за ножом, с трудом сообразил, куда его послали, и медленно, рискуя заработать косоглазие, развернулся.

Кладовку обнаружил не сразу, сначала пришлось пройти по коридору, потом отыскать маленькую, неприметную дверь. Мэтт, старательно пытаясь приструнить разбушевавшееся воображение, изучил полки и решил, что банка с какой-то зеленой дрянью подходит под определение «паста». Тряпки тоже были. Больше ничего ценного в небольшой кладовке не наблюдалось: пара метелок, ведро и куча пледов в углу. Неинтересно.

Мэтт развернулся и... уткнулся в жрицу. Она стояла совсем близко, почти упираясь белокурой макушкой ему в нос, а грудью так и совсем упираясь. Мэтт попытался шагнуть в сторону, но жрица тоже сделала шаг.

– Э-э-э... можно я пройду?

Вместо того, чтобы подвинуться, жрица подняла руку и небрежно потрепала его по щеке.

– Какой красивый энэ... Необычный, такие редко встречаются.

– Ага, – растерянно согласился Мэтт, – мне говорили.

Он не сразу понял, чего жрица хочет, а потом понял и испугался. Вчера, занятый своими мыслями, он не задумался, зачем ей потребовалось, чтобы он и сегодня явился. Обычно служители Великих не замечают рабов. А эта заметила. И теперь было совершенно непонятно, что с этим делать. Ну как непонятно... Фильмов он видел достаточно, чтобы подробно представлять процесс, но из всего виденного практический опыт у него был только в поцелуях. Признаваться в этом было стыдно, но и что делать дальше, он тоже не знал.

Или он неправильно понял? Мелькнула шальная мысль: а может, не надо? Она жрица, за такое и на алтарь отправить могут. Но Мэтт даже не успел толком ее обдумать, грудь жрицы, упирающаяся ему куда-то в диафрагму, мешала не просто дышать, а связно мыслить. И опять испугался: а вдруг не получится? Желание малодушно сбежать боролось с совсем другим желанием.

Жрица подалась вперед, прижимаясь плотнее и, запрокинув голову, медленно облизала полные темно-вишневые губы. Мэтт окончательно разучился думать. Сунул банку обратно на полку и прижался своими губами к чужим. Зря, что ли, он тренировался?

С остальным жрица разобралась сама. Оказалось, совсем и не сложно.

– Хороший энэ... – лениво протянула жрица, перекатываясь на живот, – можешь идти работать.

Мэтту показалось, что он ослышался. Но нет, жрица даже рукой махнула в направлении двери. Раб сделал свое дело, раб может уходить. Непонятно, чего он ждал, но точно не этого. Мэтт проглотил толкнувшуюся в горло обиду и встал с разбросанных на полу пледов. Эйфория схлынула, вернув на место реальность. Реальность, где он был всего лишь энэ.

– Как хоть тебя зовут?

– Вархи, – удивилась жрица, но тут же добавила: – Для тебя – аштэ. Не забывайся, энэ.

– Ну вот и познакомились, – пробормотал Мэтт, натягивая штаны. Свое имя он решил не называть. Он же энэ, у него нет имени.

– Завтра снова придешь, – небрежно приказала жрица. – Будешь убирать Храм.

Мэтт отстранено-равнодушно посмотрел на лежащую девушку и удивился: она же враг, как он мог забыть? Не основной, второстепенный, но все равно – враг. И она сейчас приказала так уверенно, потому что знала – отказаться не посмеет. Нет у него такого права – отказываться.

Улыбайся, их это бесит! Мэтт широко улыбнулся, вызвав новый всплеск удивления, и поклонился.

– Конечно, аштэ.

И уже выходя, поклонился еще раз.

– Я могу спросить, аштэ?

Жрицы благосклонно кивнула.

– Дикие, которых держат в клетке, когда их отвезут на рудники?

Похоже жрице надоело удивляться.

– Никогда, они жертва Великому Ашеру, а зачем они тебе?

– Просто любопытно.

Мэтт поклонился в третий раз и, решив, что он уже достаточно поработал китайским болванчиком, развернулся и вышел, не забыв прихватить тряпки: ему еще ножи чистить.

Значит, они жертва... Не повезло мужикам, это ж надо было так вляпаться. С одной стороны, лично ему это давало фору во времени, до дня Великого Ашера было еще дней тридцать или чуть меньше, а с другой – у флотских это самое время уже начало обратный отсчет, и, если ничего не придумать, пойдут они на алтарь как миленькие. А он потом еще раз ножи почистит!

За неделю так и не получилось подобраться ближе к клеткам. Мэтт, пользуясь благосклонностью жрицы, уже в наглую сбегал за пару часов до вечерней молитвы и все это время торчал в кустах, рассматривая кшари и пленников.

Вот и сейчас, отлежав себе все, что можно отлежать, Мэтт осторожно поерзал, пытаясь устроится поудобнее, ну или хотя бы так, чтобы камень не впивался в живот... и в колено, а теперь еще в ребро! Ржавые кварки, да этот крылатый хоть на минуту может уйти? Приклеили его, что ли?

Кшари вдруг повернулся и быстро поклонился. Мэтт чуть привстал, чтобы лучше видеть происходящее. Растущие впереди кусты надежно прятали его от крылатого, но так же добро-совестно скрывали и площадку перед клеткой. К кшари медленно приближались жрецы. Идущего впереди Мэтт знал – видел в Храме Великой Мот. А следом за ним, держа в руках увеси-

стую сумку, быстро шла Вархи. Любопытно... Мэтт, рискуя быть замеченным, высунулся еще сильнее, но жрецов интересовали пленники. Кажется, кто-то из флотских был ранен, по крайней мере, Вархи вытащила из сумки бинты и протянула их жрецу. Надо же какой гуманизм.

Мэтт отполз в сторону, встал на колени и начал аккуратно пятиться назад. Значит, Вархи может подходить к пленникам, это хорошо... Мэтт еще не понял до конца, как можно использовать данный факт, но точно знал, что это шанс. Осталась мелочь – как-то убедить жрицу, что с ним можно еще и разговаривать. А потом поговорить.

Идти до тропы было недалеко, но Тейат уже уползла за деревья, а значит, до темноты оставалось не больше часа, надо торопиться: если он опоздает к молитве, надсмотрщик будет счастлив. Мэтт прикинул, где тропинка, и перешел на бег.

– Черт!

Сухой мох поехал под ногой, Мэтт пару секунд пытался удержать равновесие, но гравитация победила. Он успел еще раз взмахнуть рукой и грохнулся на землю, ощутило приложившись коленями. Ногу обожгло. Мэтт дернулся, перекатился на спину и тут же затряс ногами, стараясь стряхнуть жгучую колючку, но лиана, почуяв добычу, моментально выплюнула еще два стебля, намертво оплетая его ноги. Мэтт, спохватившись, замер. Третий стебель завис в воздухе, недовольно вода кончиком в поисках жертвы. Мэтт знал, что эта штука реагирует на вибрацию: стоит пошевелиться, и еще пара жгучих стеблей решат дотянуться, а потом ядовитый сок попадет на кожу и мало ему не покажется – милый цветок с застенчивыми голубыми бутонами питался кровью. На этой долбанутой планете все пытались сожрать всех. Даже цветы.

Обычно эту дрянь выпалывали, но, видимо, в зарослях шляются лишь такие идиоты, как он. Под ноги надо было смотреть! Мэтт осторожно огляделся. До тропы было рукой подать, но добраться, не получив серьезный химический ожог, было невозможно. Пока его защищали штаны, но как только он начнет двигаться, колючки выпустят шипы подлиннее. Рукой срывать – тоже так себе идея, если он явится к жрице с кровавой коркой на ладонях, вряд ли она будет рада его видеть. Да и больно это – голыми руками шару хватать.

Перспективная палка валялась неподалеку, и Мэтт изогнулся, стараясь дотянуться до нее рукой.

– Дерьмо!

Палка так и осталась валяться на своем месте, зато один стебель сполз пониже и все-таки ужалил над ботинком. Мэтт откинулся на спину и прислушался. Едва слышно хрустнула ветка. По тропе кто-то шел, тихо, почти невесомо, если бы не случайный хруст, то и неслышно. Дрогнула ветка, и Мэтт увидел, кто тут умеет бесшумно ходить. Тумбочка крылатая, давно не встречались. И почему он вечно появляется, когда Мэтт уйти не может? Особенно сейчас, ситуация – глупее не придумаешь. Хотя да, тут же Храм Ашера, божества кшари, небось, ходил лбом пол перед идолом полировать.

Кшари мазнул по нему равнодушным взглядом и пошел дальше. Мэтт посмотрел ему в спину и понял, что колючка одержала верх над гордостью.

– Эй! Даже не поможешь?

Кшари остановился.

– Подай палку, а?

В воздухе что-то свистнуло, и в основание растения воткнулся нож. Мэтт изумленно моргнул. Как кшари замахивался, он не заметил, да и самого броска тоже. Крылатый даже не повернулся! Так и метнул из-за спины.

– Круто... – кисло признал Мэтт, – ну, типа, спасибо.

Побеги лианы обмякли, и голубые лепестки начали сереть на глазах – кшари знал, куда бить. Мэтт, не дожидаясь, пока стебли окончательно скукожатся, завозил ногами, стряхивая путы.

– Нож.

Мэтт запрокинул голову. Кшари соизволил подойти ближе и сейчас протягивал руку. Эмоций в его голосе было примерно столько же, сколько у старого чайника, информирующего о том, что собирается закипеть. В серых глазах, впрочем, явно читалась презрительная насмешка.

Мэтт сел, выдернул нож и протянул крылатому.

– Вытри.

Мелькнувшее было чувство благодарности умерло, так и не успев оформиться во что-то более внятное. Кшари не ему помогал, он просто привел энэ в рабочее состояние, рабы должны трудиться, а не валяться с ожогами в бараках. Так хозяин заботится об имуществе: пока пригодится, а потом и на свалку можно.

Мэтт неторопливо сорвал лист и начал тщательно вытирать лезвие. Кшари не подгонял, стоял и ждал. И это бесило еще сильнее. Чего сейчас действительно хотелось, так это воткнуть нож в крылатого. В благодарность за спасение. И за все остальное тоже. Только это ничего не изменит, одним крылатым больше, одним меньше, какая разница. Мэтт скрипнул зубами и протянул оружие.

На этот раз кшари нож взял и мотнул головой – иди отсюда. Мэтт опустил взгляд, понимая, что нарываться на порку сейчас не стоит, у него и так спина еще не зажила. Встал и шагнул на тропу, чувствуя, как все внутри кипит от злости.

– Что это?

Мэтт обернулся. Кшари задумчиво крутил в руках ярко-зеленую безделушку. Похоже, брелок выскочил из ботинка, пока Мэтт тряс ногами: оставлять его в бараке он не рисковал, так и таскал с собой, надежно замотав в кусок ткани и закрепив внутри ботинка. Как оказалось, ненадежно.

– Отдай, – хрипло попросил Мэтт, – это мое.

– Нет.

Злой еж внутри вспух, выпустил иголки, расплываясь огненной волной. Эта глупая игрушка – все, что у него осталось, единственное, что связывало со старым миром и свободой, что помогало жить, когда казалось, что жить уже незачем. И это холодное, равнодушное «нет» стало последней каплей. Мэтт понимал, что не надо, не стоит оно того, но чувство собственного бессилия обожгло, выплескивая ярость наружу, и рассудок отключился полностью.

Он шагнул к стоящему спиной кшари и, размахнувшись, ударил.

Кшари резко присел, уворачиваясь, отчего удар получился смазанным, Мэтт даже не понял, смог он попасть или нет. А в следующий момент земля выпрыгнула из-под ног и изо всей силы врезала по затылку. Мэтт замахнулся еще раз, стараясь все же достать усевшегося на него верхом противника, но тот успел перехватить руку, железными тисками сжав запястье и не давая дернуться.

– Одного раза достаточно, энэ.

И мазнул другой ладонью по лицу, снизу-вверх, зацепив нос и глаза. Не сильно, но как-то очень обидно и неожиданно больно. Из глаз хлынули слезы, а когда Мэтт проморгался, крылатого рядом с ним уже не было.

Ярко-зеленый цилиндр валялся на тропинке.

Мэтт подобрал безделушку и крепко зажал в кулаке. Злость медленно таяла, оставляя вместо себя глухую тоску. Он отлично знал, чем грозит нападение на кшари, и совершенно не понимал, зачем он это сделал. Просто сделал и все. Глупо.

Нос на ощупь вроде был цел. Мэтт осторожно потрогал лицо и тоскливо посмотрел на кусты, за которыми скрылся кшари. Странно, что крылатый бросил его тут, а не оттащил к жрецам. Может, этот удар по лицу и был наказание? Возможно, еще обойдется? Бежать было некуда, оставалось только ждать.

Нарисованный человечек продолжал улыбаться. Мэтт вздохнул и покачал головой: надо было учиться драться, а не стихи со сцены читать. Если бы он убил крылатого, идти на алтарь было бы не так обидно.

Но вечером за ним никто не пришел, а на следующий день у крылатых начались испытания, и Мэтт осторожно выдохнул, поняв, что на этот раз, похоже, пронесло.

Глава пятая. Храм Хур-Саг. Две аштэ и один кшари

– Энэ! Помоги мне!

Мэтт оглянулся. По тропинке к госпиталю шла Мара, в руках у нее был закутанный в полотенце кувшин, и нести его было явно неудобно. Неподалеку стояли и другие жрицы, так что возмущаться обращением Мэтт не стал. Услужливо бросился вперед, забрал у жрицы ношу и покорно пошел следом. Перед входом в госпиталь по гладкому желобу тек ручей. Мара старательно ополоснула в нем ноги и только потом шагнула в дверь. Мэтт тоже потоптался в воде – а что, удобно. Хотя, конечно, так себе стерилизатор.

Про госпиталь можно было сказать одно: тут было чисто. И пусто. Ни тебе привычных информационных табло, ни кресел для посетителей, даже завялящего кактуса не было. Одни голые стены, слегка пружинящий под ногами пол и светильники. И запах цитрусового антисептика, назойливо лезущего в нос.

Мэтт оглянулся, ожидая увидеть мокрые следы на полу, но их не было: пол благодарно всосал в себя всю влагу. Все-таки он никак не мог привыкнуть к их живым домам, ненормальные они какие-то, того и смотри, проснутся, тряхнут ветвями и вышвырнут людей на улицу. Или сожрут.

Мара свернула за угол, и Мэтт сунул любопытный нос в одну из приоткрытых дверей. Надо же, они умеют и кушетки делать. Это похоже на смотровую, или как оно там называется? И тоже ничего лишнего: стол-кровать, два дополнительных светильника на потолке, раковина и заставленный небольшими пузырьками шкаф в углу. Интересно, у них в операционной есть хоть какое-то оборудование? Или там только бюст Великой Мот?

– Стой тут, – приказала Мара, отбирая у него кувшин и заходя в одну из комнат.

– Ладно, – согласился Мэтт, хотя ответа от него никто не ждал.

Коридор был пуст, лишь ряды плотно закрытых дверей и затянутых пленкой-мембраной окон: забавная штука, если ткнуть пальцем, то порвется, а потом начнет затягивать дырку, сочась по краям бесцветным соком. В «рабских» бараках такой роскоши – окон – не было, их заменяли узкие прорезы под крышей для вентиляции.

– Принеси воды, – высунулась из комнаты Мара, – вон там набери.

Мэтт взял кувшин, уже другой, побольше, и пошел в указанном направлении. Сбегать за водой было несложно, сложно оказалось иное. Мэтт притормозил, прижимая к себе полный кувшин и озадаченно посмотрел на одинаковые двери без каких-либо опознавательных знаков. Они бы хоть циферки нарисовали! Третья от поворота или вторая? Сунулся в ближайшую – пусто, пожал плечами и открыл следующую дверь. Мара была там. Мэтт тихо скользнул в комнату и осторожно прикрыл за собой дверь, та складывалась гармошкой, беззвучно скользя петлями по гладкой ветке.

– Принес.

Мара вздрогнула и вскочила на ноги.

– Ты зачем сюда зашел! Выйди!

Мэтт от неожиданности дернулся, чуть не расплескав воду, и отступил назад, пытаясь нащупать ручку в складках гармошки.

– Тихо!

Мара быстро подскочила к нему, на секунду замерла, а затем толкнула его в угол. Мэтт тоже прислушался. За стеной раздавались приглушенные голоса, далекие, невнятные, но кто-то явно шел по коридору в их сторону.

– Тут сиди, – прошипела Мара.

Страх жрицы был настолько искренним, что Мэтт тоже испугался. Даже, кажется, дышать перестал, слушая, как приближаются голоса. Выдохнул только тогда, когда они начали уда-

ляться, огляделся, не понимая, какое очередное табу он нарушил. Тут куда не ступи, что-нибудь да нарушишь или кого-нибудь оскорбишь.

Жрица в комнате была не одна. На полу на прикрытой простыней циновке лежал кшари. Из одежды на нем была бледно-розовая нашлепка на страшно распухшем бордовом, почти черном плече. Какой-то непривычно худой, с резко проступившим рельефом мышц и сильнее, чем обычно, обозначившимися венами. А еще неестественно бледный – словно крылатого основательно потерли губкой, смывая шоколадный эр-кхарский загар, а потом еще добавили голубого, чтобы уж наверняка добиться идеального аристократического оттенка.

Мэтт чуть не выругался вслух, сообразив, что он умудрился нарушить: кшари был без маски. Действительно дерьмо, и ему совершенно не хочется выяснять, какое наказание за столь наглое попрание догм эти фанатики предусмотрели. Да если бы он знал, что тут крылатый помирает, он бы его из коридора на такое хорошее дело благословил!

Мара, бросив на него еще один злой взгляд, опустилась рядом с кшари на колени и начала обтирать его влажной губкой. Мэтт изумленно приподнял бровь. Электра, откуда он был родом, славилась махровым пуританством и матриархатом. Голый мужской торс был оскорбителен, а войти на женскую половину дома не мог даже отец семейства. В их доме всем заправляла тетушка, сестра матери, и традиции она блюла с рвением благочестивого цербера, даже не вынося, а выгрызая мозг всем. Мэтт подозревал, что отец поэтому и сбежал на рудники и его с собой прихватил – тетушка их за это прокляла, отлучив Мэтта от дома и лишив права на наследство рано умершей матери. На станции нравы были попроще и поспокойнее, но и там никому не пришлось бы в голову отправлять девчонку мыть взрослого мужика.

Мэтт опять посмотрел на лицо кшари – хотя насчет взрослого мужика он погорячился. Черные тени под глазами и сине-зеленый кровоподтек на скуле не скрывал совершенно мальчишечьего лица. Мэтт болезненно скривился: крылатого он узнал, не так много, оказывается, маска скрывает, и одно дело, когда тебя легко и непринужденно укладывает на лопатки совершенно абстрактный кшари, и совсем другое – пацан, да еще и младше.

Голоса в коридоре удалились окончательно, и Мэтт рискнул ожить.

– Он без сознания?

Мара сердито мотнула головой, но все же пояснила:

– Нет. Боргар. Замедляет пульс и уменьшает боль.

Мэтт подозрительно покосился на кшари, но тот лежал с закрытыми глазами и возмущаться присутствием в комнате раба не планировал.

– А где он так... поломался?

Мара кинула губку в таз и отодвинула его в сторону.

– На них в сельве ушу напали. Его брат погиб, а он руку повредил и пешком от пустоши шел. У него сепсис начался, только волей Великих не умер.

Мэтт задумчиво прикусил губу: раскопать в себе сочувствие к крылатому не получалось. Но и привычной ненависти не было, лежащий на полу пацан был каким-то... обычным, ничуть не похожим на кшари, такой же, как он сам. Если не знать, на что крылатый способен, можно и за нормального человека принять.

Мара, ухватив кшари за плечо, попыталась его приподнять, у крылатого безвольно мотнулась голова и он сдавленно застонал. Мэтт не выдержал.

– Что надо сделать?

– Подержи его, – попросила Мара, – надо посадить.

Посадить означало опереть спиной на большой валик, напоминающий жесткий, скошенный куб. Мэтт вспомнил анатомическую кровать в их медблоке на станции, вздохнул и подsunул руку под спину кшари, стараясь не трогать поврежденное плечо. В конце концов, настоящие герои раненого врага не добивают. И вообще, он Маре помогает, а не крылатому.

– А постарше тебя никого не нашлось? – проворчал Мэтт, проталкивая валик.

- Старшие лечат, – серьезно сказала Мара, – мы ухаживаем. Что не так?
- Все так. Дальше что?
- Надо его напоить, а то у него жар.

Мара развернула полотенце, выпутывая кувшин, а затем взяла стоящий рядом флакон с синей полоской вокруг горлышка и осторожно вылила в кувшин половину содержимого. Поить предполагалось из чашки с узким носиком, но кшари оказался еще той неблагодарной скотиной: разжать ему зубы и вставить поильник не получалось.

- Ал, ну давай, – попросила Мара, – пей, а то придется зонд ставить. А это больно.

Кшари на угрозу не среагировал. Мэтт взял кувшин и заглянул в него. На вид варево было вполне приличное и пахло приятно, чем-то кисленьким. И чего крылатому не нравится?

- Зажми ему нос.

Мэтт послушно схватил кшари за нос, успев оценить, как изменился голос жрицы: вся ласка досталась крылатому, а ему – сухой приказ.

Мара ловко сцапала кшари за челюсть, надавила пальцами куда-то под зубы и всунула носик поилки больному в рот. Крылатый на столь непочтительное отношение ответил очередным стоном и болезненной гримасой, но глаза так и не открыл.

- Пей... Я знаю, что горько, но надо пить... ну пожалуйста...

Мэтт поморщился: умеет же нормально разговаривать, чего сюсюкать начала, словно этот крылатый умственно отсталый. И пробормотал, просто чтобы чуть разбавить патоку в голосе жрицы:

- Надо же, а он тебя слушается.
- Конечно, – серьезно кивнула Мара, – он же кшари. Мы приказываем, они выполняют. Всегда.

Мэтт только хмыкнул, переваривая услышанное: раньше он был уверен, что кшари живут сами по себе, не особенно реагируя на остальных. Иерархия оказалась сложнее, чем он думал. Значит, Вархи тоже может им приказывать, и она, в отличие от Мары, не ребенок...

– А чего у него лицо такое... – задумчиво поинтересовался Мэтт, продолжая прикидывать, как лучше использовать новую информацию, – странное?

– У всех кшари такое, – Мара аккуратно вытерла испарину со лба крылатого. – У него красивое лицо...

Насчет красивого Мэтт бы поспорил: сейчас кшари можно было использовать как медицинское пособие для криминалистов или агитку «Не гуляй вечером в чужом районе». Да и, если убрать боевую раскраску, морда как морда, самая обычная. Но возражать Маре не стал – у девчонок вечно странные предпочтения, их не поймешь.

Интересно, откуда у него фингал на половину рожи? Стукнулся или кулак чей-то поймал? Вряд ли ушу ему лапой в глаз засветил.

- Тебе идти надо, – опомнилась Мара, – не говори никому, что здесь был.

Мэтт кивнул и начал подниматься, но Мара остановила его жестом, потом и вовсе вскочила сама, подхватила опустевший кувшин и высунулась в коридор. А затем вышла из комнаты, не забыв прикрыть дверь и оставив Мэтта наедине с крылатым. Мэтт озадаченно сел обратно на пол и покосился на кшари. Тот, как назло, завозился, пытаясь сползти с валика и завалиться набок, и Мэтт торопливо сцапал его за здоровое плечо.

- Эй! Ты чего?

Кшари открыл глаза и вперился в свою незаконную сиделку совершенно дурным, мутным взглядом. Мэтт вздрогнул и, не придумав ничего лучшего, категорично заявил:

- Меня тут нет! Тебя наркотой накачали, и у тебя глюки. Точно говорю!
- Где Чарли?

Голос у кшари был хриплый, как у простуженной вороны.

- А я откуда знаю... вышел, наверное.

Мэтт вдруг подумал, что Чарли могли звать погибшего кшари, но обсуждать с крылатым смерть его брата он не будет! Пусть ему другие объясняют! Схватил с пола поилку и сунул кшари в зубы.

– Пей давай, тебе аштэ приказала.

Вернувшаяся Мара застала совершенно пасторальную картину: оказалось, приказы кшари отлично выполняет, главное, интонации правильные подобрать. Ну и не забыть сначала накачать настойкой боргара. Пока Мара где-то бегала, Мэтт, здраво рассудив, что занятым ртом сложно разговаривать и задавать дурацкие вопросы, успел влить в крылатого две поилки, пополняя их из малого кувшина. А еще раза три вытереть ему испарину со лба – это просто так: чего этот крылатый мокрый валяется.

– Нет никого, – шепотом известила Мара и кивнула на коридор, – иди отсюда.

Мэтт с облегчением вскочил, перепоручая опять впавшего в беспамятство кшари жрице, и совершенно забыл, что собирался спросить, кто такой Чарли. И уже в коридоре, оглянувшись на закрытую дверь, ухмыльнулся: а кшари, судя по его морде, похоже, должен был оказаться в касте сахри²⁵. В любой новой колонии примерно пять процентов детей рождается с недостаточной базовой мутацией, но редко где таких объявляют кастой низших, чаще стараются помочь. На Эр-Кхаре с неудачным потомством не нянчились. Теперь понятно, как он в Храме оказался: родители поспешили избавиться, дабы не позорить семью. А нос крылатый задира, словно был родным сыном самого Ашера, причем рожденным в законном браке с Великой Мот.

До выхода Мэтт дошел не сразу: убедившись, что коридор действительно пуст, заглянул в приоткрытую дверь смотровой. А потом быстро, стараясь не шуметь, подскочил к шкафу и схватил пару флаконов с синей полосой вокруг горлышка – хотел и остальные стянуть, но вовремя сообразил, что заметят. Замаскировал получившуюся брешь другими пузырьками и сунул в пояс украденные. До тайника, в котором, помимо пока не пригодившейся тыквы с настойкой боргара, валялась еще кучка не менее ценного хлама, он сейчас сбежать не сможет, но это нестрашно – спрячет в кустах, а вечером перепрячет. Зачем ему потребовались именно эти флаконы, он толком не знал, решил, что раз эта штука и кшари вырубить может, то точно лишней не будет. Огляделся и сцапал еще рулон бинта, эта штука тоже пригодится. Больше ничего ценного не было; что означает маркировка другого цвета на пузырьках, он не знал и здраво рассудил, что экспериментировать и проверять их действие на себе лучше не стоит.

Прислушался, проверяя, все ли тихо в коридоре, и вышел из комнаты.

Самый перспективный, то есть пышный и густой, куст рос рядом с идолом Великой Мот. Мэтт, воровато оглянувшись, решительно направился к идолу и, поравнявшись с промежуточным тайником, склонился в почтительном поклоне, практически ткнувшись носом в покрытые фиолетовым пушком ветки. Он уже не первый раз прятал здесь украденное: пара ритуальных ножей, спертых из Храма, тут вылеживалась почти неделю, прежде чем Мэтт решил, что будет достаточно безопасно переселить их в основной тайник. Ветви недовольно колыхнулись, но тут же замерли, образуя идеальный шар и надежно скрывая скользнувшие внутрь пузырьки с боргаром. Мэтт выпрямился и нахально подмигнул идолу. А потом побежал в Храм.

Ему еще с утра приказали вытереть пыль с книжных полок, и стоило уже заняться своими прямыми обязанностями и поработать рабом. На книги Мэтт давно косился, но легальная возможность сунуть в них нос предоставилась лишь сейчас. Мэтт покосился на усевшуюся на подоконник Вархи и вытащил с полки самый толстый талмуд. Книга была сшита непривычно, сверху, да и бумага была тонкая, едва не прозрачная. Мэтт добрую минуту любовался человеком с содранной кожей, прежде чем сообразил, что держит в руках медицинский атлас – Храм Великой Мот же, – а не книгу ужасов или инструкцию по пыткам. Он бы предпочел найти астрономический справочник или звездные карты, может, тогда получится понять, где

²⁵ Са́хри – каста низших.

эта планета находится? Хотя, чем ему поможет точное местоположение планеты, он и сам не знал. Просто хоть какая-то информация.

– Ты умеешь читать? – удивилась Вархи.

– Не на вашем языке, – признался Мэтт, с сожалением закрывая книгу, и ткнул рукой в сторону: – А это что?

Одна из книг лежала отдельно, на специальной подставке, резко выделяясь яркой, плотной обложкой на фоне стоящих на полке скромниц. Да и толщина книги впечатляла.

– Дневник Великой Мот.

– Серьезно? – удивился Мэтт. – Прямо она писала?

– Не, – беспечно мотнула головой жрица, – это копия. Ее раз в десять лет переписывают.

В каждом Храме такая есть.

– А можно посмотреть?

– Посмотри... Только ты все равно ничего не поймешь. Там на языке Великих, никто не понимает.

Мэтт недоверчиво ухмыльнулся, но спрашивать, зачем же они тогда ее переписывают, не стал: пытаться понять логику фанатиков – дело неблагодарное и крайне скучное. Наугад раскрыл книгу и задумчиво наклонил голову. Писец явно старался, перерисовывая каждую букву, как картинку, и заботливо украшая ее завитками, а местами, наверное, от любви к прекрасному, добавляя еще вензеля на полях. Но, несмотря на все старания писца, латиница угадывалась легко. Похоже, загадочным языком Великих был староанглийский. Эр-кхарский на него совсем не походил, Мэтт вообще затруднялся отнести его хоть к какой-то языковой группе: смахивает на изуродованный удвоенными согласными и кучей шипящих хинди, но все-таки не он. Скорее всего, в основу эр-кхарского лег пиджин, помесь из нескольких языков; обычно такая лингвистическая каша появлялась в древних портах как средство коммуникации между местными жителями и командами кораблей, в последнюю тысячу лет так изгаляться над языками необходимости не было, спайдер и без этого отлично переводил, но на этой планете про нейроинтерфейсы даже не слышали.

Жрица спрыгнула с подоконника и, подойдя ближе, крепко обняла его сзади, прижимаясь грудью. Едва слышно потянуло терпким и кисловатым – можно принять за духи, но Мэтт уже знал, что так пахнет пропитанная соком боргара деревянная щепка, которую местные вечно в рот тянули. Не такая убойная штука, как та, которой накачали кшари, но тоже дрянь порядочная. Жрецы вроде не одобряли слишком активное увлечение боргаром, но Вархи то и дело катала во рту, как зубочистку, длинную синеватую щепку.

– Ты понимаешь, что там написано?

Инстинкт самосохранения взвыл напуганной истеричкой, и Мэтт торопливо захлопнул книгу.

– Не-а. Не понимаю. Так... буквы интересные.

Мэтт вспомнил про тетрадку в заброшенной лаборатории и аккуратно вернул дневник Великой Мот на место. Влезать в трепетные взаимоотношения Великих и их фанатов было опасно. Мало ли что там эта Мот понаписала, сейчас окажется, что они сюда погулять прилетели, а вовсе не новый мир строить, а отвечать придется рабу. Да и читать чужие дневники неприлично, обидится еще старушка.

Рука жрицы скользнула ниже, и Мэтт ненавязчиво попытался ее перехватить.

– Вархи... мне надо работать...

– Успеешь, – мурлыкнула жрица, запуская пальцы под пояс.

Пальцы у аштэ были теплыми, мягкими и очень умелыми. Мэтт понял, что с силой воли у него все плохо – ее нет.

И только ночью в келье, ворочаясь и перебирая в голове события прошедшего дня, Мэтт неожиданно задумался: а на каком языке кшари звал этого Чарли? Да нет, не может быть, бред какой-то.

Глава шестая. Храм Хур-Саг. Пленники

Мэтт проводил взглядом едва перебирающего ногами кшари и сплюнул на землю. Он сам толком не понял, зачем предложил помощь и сильно бы удивился, если бы крылатый эту помощь принял. Просто он знал, что такое кнут, и знал, как это больно. Сам он не смог бы сдержать крик уже на втором ударе, а кшари избили до полусмерти, и было вообще непонятно, как тот стоит да еще и молчит. Цельнометаллический он, что ли?

А может, вовсе и не из-за этого, а из-за того, что кшари не сдал его жрецам за ту идиотскую выходку и вернул брелок... Или из-за того, что именно у этого крылатого глаза не были мертвыми. Что-то было в них человеческое, что позволяло верить в то, что кшари все же были людьми, из которых зачем-то сделали роботов.

Мэтт сплюнул еще раз и зло дернул головой. А так думать было нельзя, так случайно можно решить, что крылатые твари имеют право на существование. Если они когда-то и были людьми, то все человеческое в них давно выжгли. Они должны ответить за смерть отца. Все, без исключения.

Времени было уже много, он и так зря вышел к Храму Ашера, хотел посмотреть, нельзя ли подойти к клетке с другой стороны, и нарвался на показательную порку кшари. Надо было уже бежать, пока надсмотрщик не хватился, жалко, что теперь не успеет свернуть к сейхе, обещал же Маре прийти, малявка расстроится.

Утро было похоже на все предыдущие, как однойцевый близнец. Все та же Тейат, выжигающая небо добела, занудный речитатив жреца, восхваляющего Великих, и хриплые окрики надсмотрщика, подгоняющего рабов. До дня Ашера оставалось совсем ничего, а он все еще топтался на месте, так и не набравшись смелости попросить жрицу помочь и ни на йоту не приблизившись к намеченной цели. Как просить, было непонятно: в лоб, как с Марой, нельзя, а сбоку зайти не получалось. Он несколько раз пытался свернуть разговор на диких, но Вархи не хотела с ним разговаривать, а хотела совсем иного.

Мэтт раздраженно пнул цветок, снеся ему голову, и побежал вверх по тропе. Вархи уже ждала и при его появлении недовольно нахмурилась, наверное, считая, что бежать можно было и быстрее. Мэтт, виновато улыбаясь, быстро огляделся, убедился, что в Храме они одни и потянул жрицу в кладовку.

Жрица занималась сексом с искренним восторгом и полной самоотдачей. Мэтт даже подозревал, что это единственное занятие, интересующее белокурую аштэ в этой жизни. Он иногда задумывался, сколько рабов было в этой кладовке до него? Все, или его угораздило оказаться в числе избранных? Хотя какая разница. Он получал свою порцию удовольствия, попутно обеспечивая ей то же самое. Ничего личного, так получилось.

Было в этом что-то неправильное, ненастоящее, и вечерами, в бараке, когда становилось совсем тошно, хотелось послать все к черту и не прийти. Тропинка раздваивалась, одна вела вниз, в сады, вторая наверх, к Храму Великой Мот, и можно было выбрать привычную, но Мэтт каждое утро все равно бежал наверх. И дело было даже не в том, что Вархи была его дверью к флотским и далекой свободе. Пока он был с ней, огненный еж внутри затихал, пропадала на время боль, и он малодушно боялся лишиться этих коротких передышек, когда можно спокойно дышать, не надо силой удерживать маску на лице и бесконечно улыбаться. Может, поэтому он так долго не решался с ней поговорить, боялся, что отправит обратно, что он потеряет даже ту иллюзию свободы, что у него была сейчас.

Мэтт вдруг подумал, что он становится похож на них, на жрецов и кшари, только те прятали лицо за куском каучука, а он сам соорудил себе маску клоуна и сроднился с ней намертво. Ее тоже снять невозможно.

За стенкой недовольно заклекотали: фейхи в орешник забрались, опять скорлупу разбросают. Мэтт почувствовал, что начинает злиться. На глупых, шумных драконих, на лежащую рядом жрицу и на себя. За трусость. Что, в конце концов, она может с ним сделать? Разозлится на обнаглевшего раба и отправит работать в сады? Прикажет выпороть? Оставит без еды? А парни в клетке умрут меньше чем через неделю.

Мэтт повернулся на бок и погладил девушку по спине.

– Вархи... а ты к этим диким часто ходишь?

– Вообще-то тебе положено называть меня аштэ, – лениво отозвалась жрица, – а зачем тебе дикие?

– Я подумал... – проигнорировал первое утверждение Мэтт, – там же грязно, у диких? Хочешь я помою клетку?

– Что?

– Понимаешь, в нашем мире так принято. Ты меня позвала к себе, я должен отблагодарить, а то наши боги рассердятся...

Пожалуй, он еще ни разу в жизни так вдохновенно не врал, даже когда испортил антикварные шахматы отца, умудрившись открутить ферзью голову. Сейчас он свою фантазию не сдерживал, для убедительности помогая себе рукой и нахально скользя ладонью все ниже.

– А потом, там же грязно, тебе неприятно... – Мэтт понял, что запасы красноречия, и так ограниченные скудным эр-кхарским, заканчиваются и он начинает повторяться. – Я подумал, ты же не в госпитале работаешь, а при Храме, значит, ты главная, тебя послушают. Прикажи кшари пустить меня в клетку.

Да, чем тупее комплимент, тем лучше, это Мэтт уже понял, как и то, что жрица была здесь кем-то вроде кладовщицы, лечить людей ее не пускали. Природа, щедро одаривая девушку внешностью, явно притомилась, когда дело дошло до интеллекта, и решила, что такую красоту мозгами разбавлять – только портить. Вархи была истинной дочерью Эр-Кхара: яркой, горячей и не слишком умной. У нее даже глаза были, как местное небо, идеально-голубые, и никакое облачко мысли не нарушало их девственную чистоту.

– Я иногда и в госпитале работаю, – проворчала Вархи, но, судя по довольным ноткам в голосе, сказанное ей понравилось. – И старшим аштэ помогаю.

Мэтт прижался губами к ее шее и начал медленно спускаться к ключице.

– Ты же не должна возиться с грязными дикими...

Вархи запрокинула голову, чтобы Мэтту было удобнее.

– Я могу отправить туда других энэ, пусть вымоют.

«Дура, – раздраженно подумал Мэтт, – сказал же – боги рассердятся!»

– Нет! Я должен сам! И Великим это понравится, я хочу заслужить право на Чертоги. Пожалуйста, Вархи...

– Ладно, энэ, – засмеялась жрица, – вечером отведу.

– Спасибо, – искренне обрадовался Мэтт и, подмигнув, добавил: – Повторим?

Повторяли они долго, но все когда-нибудь заканчивается, если это, конечно, не работа. То, что им еще не заинтересовался главный жрец этого Храма, было скорее случайностью, чем закономерностью. Рано или поздно он точно начнет выяснять, чем таким важным занят энэ и почему двор до сих пор не подметен, а стоки не прочищены. Мэтт иногда ловил на себе любопытные взгляды других рабов и недовольные – жрецов. Похоже, не было большим секретом, зачем он торчит в кладовке.

Мэтт вышел на улицу, пытаясь вспомнить, куда он вчера засунул метлу.

– Что ты тут делал, энэ?

Мэтт обернулся и расплылся в улыбке.

– Привет.

– Я задала вопрос, энэ, – не оценила его улыбки Мара.

У Мэтта было на редкость хорошее настроение, чтобы оправдываться перед малолетней жрицей.

– Подрастешь – узнаешь. Маленькая еще.

– Как ты смеешь со мной так говорить?

В голосе Мары неожиданно прорезалась сталь, и Мэтт опомнился – маленькая или нет, но она аштэ, так нельзя, – но исправить ситуацию не успел.

– Что тебе, младшая?

Мара обожгла Мэтта злым взглядом и поклонилась подошедшей Вархи.

– Ничего, старшая.

– Можешь идти.

Мара развернулась и, высоко задрав голову, двинулась в сторону госпиталя.

Кварки! Ссориться с маленькой жрицей в планы Мэтта не входило, и дело было не в том, что она могла пожаловаться старшим, а в том, что рыжая была живой, единственной настоящей в этом мире мертвых кукол. С ней было интересно.

– Будешь рядом с ней отираться – пожалеешь.

Мэтт изумленно моргнул и недоверчиво протянул:

– Шутишь? Она же маленькая, нашла к кому ревновать.

– Ты мой, энэ, запомни, – нахмурилась Вархи, – пока мне не надоест.

– Я свой собственный... – пробормотал Мэтт на нью-инглише и тут же добавил на эрхарском: – Да, аштэ, я понял. Кстати, ты не знаешь, за что вчера кшари наказали?

– Понятия не имею, какая разница?

– Его сильно наказали, он еле шел.

– И что?

– Тебе его не жалко?

Вархи дернула плечами, недовольно глядя на Мэтта.

– Кшари – слуги. Они должны подчиняться и выполнять приказы. Если наказали, значит, было за что.

– Ладно, – легко согласился Мэтт. Узнать про кшари было интересно, но важнее было отвлечь Вархи, не хотелось, чтобы у Мары были проблемы из-за него. – Тогда жду. Ты же отведешь меня к диким?

– Отведу! – Вархи махнула рукой, отпуская, и проворчала: – Ты мертвого поднимешь, энэ.

Мэтт довольно улыбнулся и уверенно пошел назад, в Храм. Его никто не остановил: Вархи направилась в госпиталь, а других жрецов внутри не было. Но Мэтт на всякий случай постоял, прислушиваясь и убеждаясь, что он один, а потом бросился к идолу Великой Мот, там, за постаментом, в нише, хранился ящик с ритуальными ножами. Не глядя сунул руку, схватил первый попавшийся и спрятал в пояс, старательно замаскировав клинок складками – бежать к тайнику было долго, проще еще один украсть. План пока не был четким, едва вырисовывался, но оружие точно лишним не будет.

Вархи появилась, когда Мэтт уже начал нервничать, недовольно поглядывая на Тейат. Звезда уже разделила день пополам и начала неспешно сползать вниз. Но Вархи пришла, не обманула, кивнула головой, приказывая следовать за ней и уверенно двинулась по тропе.

Кшари их появлению не удивился, поклонился жрице и мазнул равнодушным взглядом по стоящему рядом рабу.

– Он вымоет клетку, открой ему, – приказала Вархи.

Еще один поклон и пустой взгляд, и крылатый подошел к клетке.

Мэтт даже губу прикусил, стараясь не спугнуть удачу и рассматривая флотских. Старший, с нашивками майора, совершенно седой, был крупнее остальных и спокойнее, что ли, по количеству эмоций на лице, точнее, их отсутствию, он легко мог составить конкуренцию крылатым. Двое других на подходящего к клетке стража среагировали острее: вскочили и отошли в дальний угол. Один темнокожий, вроде капрал, а второй, полная противоположность первому, высокий блондин, может, даже альбинос, похоже, рядовой – Мэтт не очень хорошо разбирался в нашивках, но офицерские узнал, сотни часов виртуальных стрельбок даром не прошли.

Вархи, убедившись, что ее приказ выполнили, ушла. Кшари занял свой пост, только повернулся вполоборота, чтобы видеть пленников.

Мэтт набрал воды в ведро, подхватил тряпку и двинулся к клетке, громко бормоча себе под нос:

– Мыть или не мыть, вот в чем вопрос. Достоин ль смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление²⁶...

Пленники молча подвинулись, пропуская его в клетку. Не сказать, что внутри было грязно (видимо, флотские пытались выбрасывать мусор наружу), скорее, пыльно. Да и чувствовалось, что пленников в душ не водили. Хорошо хоть туалет им прямо тут не устроили. Мэтт поставил ведро и, не меняя интонаций, перешел от Гамлета к делам насущным:

– На меня не смотрите, отвечайте, будто друг с другом говорите. Можно французский, хинди, итальянский – я понимаю. Вы с флота, да?

Седой сообразил первым. Повернулся к капралу и невозмутимо произнес:

– Да. А ты кто такой?

– Неважно. Раб я. Вас искать будут?

– Ну, допустим.

– И когда найдут?

Мэтт встал на колени и принялся усердно тереть пол.

– Может, завтра, а может, через месяц.

– Вас убьют раньше. Нет месяца. Пять дней.

Мэтт опять переключился на Шекспира, неторопливо прополаскивая тряпку и давая флотским переварить информацию.

– С чего ты это решил?

– Вы жертва их богам. Скоро праздник.

– Парень, ты перегрелся?

Мэтт начал злиться. В его плане не было предусмотрено того, что флотские ему не поверят и что времени их убеждать у него не будет. Подвинул ведро, выпрямился и громко сказал, тыкая пальцем в свободный угол клетки:

– Я здесь уже год, и я видел, как они убивают. Если бы вас хотели сделать рабами, не держали бы тут. Хотите жить – слушайте меня!

И повернувшись к кшари, добавил на эр-кхарском:

– Не понимают, что надо подвинуться. Тупые. А я их языка не знаю. Ты тоже не знаешь, да?

Кшари уставился поверх их голов: разборки рабов его не волновали, главное, чтобы из клетки не выходили.

Мэтт зло прошипел:

– Вот этот вам горло и пережет. С удовольствием.

– И что ты предлагаешь? – невозмутимо поинтересовался седой. – Если ты не заметил, тут так просто клетку не откроешь.

²⁶ Уильям Шекспир. Гамлет, принц датский. Перевод Б. Пастернака. Правообладатель: [ФТМ](#). Электронное издание 2008 г.

Мэтт не зря все это время торчал неподалеку, рассматривая пленников. Дверь в клетку завязывали толстым плетеным ремешком – никаких замков или запоров, незамысловато и надежно, руками его не порвать, зубами тоже долго грызть придется. А ножом должно получиться.

– Вы с ним сможете справиться? – спросил вместо ответа Мэтт и тут же уточнил: – С крылатым. Так, чтобы помощь не позвал?

– С кем? – не понял капрал.

– Вон с тем разговорчивым перцем, что вас охраняет.

– Смогу, – кивнул седой и отошел в сторону, чтобы не мешать Мэтту домывать пол. – А почему он крылатый?

Мэтт изумился – они что, еще не видели? Хотя, может, и не видели: клетка стояла под плотным пологом из лиан, и кшари отсюда стартовать неудобно. Значит, это будет для них не самым приятным сюрпризом.

– Завтра ночью выбирайтесь из клетки и глушите этого. И ждите, без меня вы до сельвы не дойдете, – и твердо повторил: – Не сегодня. Завтра.

План наконец обрел внятные очертания. Седой уверен, что их найдут, а значит, надо уйти в сельву, подальше, и там ждать помощь. Это куда проще и спокойнее, чем захватывать корабль. А в сельву он их выведет: за полгода он тут все выучил – и тропинки, и где крылатые стоят, и куда они не суются.

На этот раз майор думал дольше, вероятно, прикидывая, для чего Мэтта к ним подослали и зачем так сложно втираться к ним в доверие.

– А тебе какой интерес в этом?

– Вы заберете меня с планеты.

Мэтт отжал в последний раз тряпку, окинул критическим взглядом не сильно изменившуюся клетку и, подхватив полное ведро, толкнул плетеную дверь.

– Подожди, – окликнул белобрысый, – так что ты про крылья говорил? Они у них что, правда есть?

Мэтт не ответил. Молча прикрыл за собой дверь, обошел клетку и выплеснул грязную воду на землю, а потом еще, повернувшись спиной к наблюдателям, старательно потряс ведро, заодно дернув свой пояс. Нож рыбкой скользнул вниз, скрываясь между лопухов – достаточно близко, чтобы, просунув руку между прутьев, до него можно было дотянуться. Поймал взгляд седого, убеждаясь, что тот заметил, и коротко кивнул. Оставалось только надеяться, что седой не принял его за сумасшедшего, с которым лучше не спорить.

Кшари, заперев клетку, вернулся на место. Мэтт несколько раз оглянулся, чтобы удостовериться, что крылатый ничего не заподозрил и не пошел копать в лопухах. Ну и правильно, нечего там замечать, у энэ, если он не больной на всю голову самоубийца, не может быть ничего запрещенного. А Мэтт – приличный энэ, благоразумный, даже поклониться напоследок не забыл.

Идти в бараки было рано, до вечерней молитвы еще пара часов, возвращаться в Храм Великой Мот не хотелось, что он там не видел? Мэтт подумал и побежал вниз по тропинке.

Рядом с сейхой, обняв колени и уперев в них подбородок, сидела Мара. Мэтт тихо подошел и сел рядом.

– Чего притащился? Боишься, нажалуюсь?

– Нет, – качнул головой Мэтт, – ты не будешь. Я извиниться хотел. Я не должен так, ты аштэ, я энэ, прости. Мне правда стыдно.

– Ты не энэ, – буркнула Мара, – ты – дурак. Зачем ты таскаешься к Вархи? Если вас поймают, то накажут. А тебя вообще на алтарь могут отправить.

– Ну... – скорчил виноватую морду Мэтт, – она же велела, как я могу послушаться?

– Пожалуйся эль-штэ, он верховный аштэ, он ее накажет, а тебя отпустит.

– Нет, – испугался Мэтт, только верховного жреца ему сейчас не хватало для полного счастья. – Я лучше сам с ней поговорю.

– Она неправильная, – нахмурилась Мара, – мы должны служить Великим и не отвлекаться на лишнее. Великая Мот ее не примет к себе после смерти.

Мэтт задумчиво посмотрел на дерево. Обсуждать подробности встреч с Вархи он не был готов: во-первых, Мара не парень, а во-вторых, ребенок еще. Может, по местным меркам ей до совершеннолетия и осталась пара лет, по законам его мира – ей еще в куклы положено играть.

– Полезли? – предложил Мэтт, кивая на сейху. – Интересно, как там ушу?

– У меня сегодня сыра нет, – ехидно сообщила Мара.

– Ничего, – усмехнулся Мэтт, – я тебя подсажу совершенно безвозмездно.

Драконята были на месте, только старший, тот, что покрупнее, с важным видом взгромоздился на бортик гнезда, высокомерно поглядывая на пропасть под ним. Взлететь, впрочем, не пробовал, дисциплинированно держал крылья сложенными.

Мэтт, наблюдая, как вышагивает маленький ушу, неожиданно вспомнил слова седого. Тот так уверенно сказал, что их найдут, пусть даже через месяц... Флот своих не бросает, а значит, рано или поздно появится, и можно, конечно, дождаться их в сельве, но кто сказал, что они просто их заберут, проигнорировав такую интересную планету? Особенно если предположить, что флотских изначально было не трое, а больше, но остальные до клетки не дожили. Отсутствием воображения Мэтт не страдал, и картинка взрывающихся Храмов встала перед глазами как живая. Еще какой-то месяц назад он бы постарался картинку задержать подольше, мечтая, как в этой огненной каше сгорают крылатые, но сейчас в мечту вплелась фальшивая, неправильная нота. И имя ей было – Мара. В Храмах не только крылатые, а ракеты не выбирают, кто достоин смерти, а кто нет.

– Мара, – осторожно позвал Мэтт, – скажи, а если здесь появятся корабли диких, вы что должны делать? Ну, может, у вас убежища есть или еще что-нибудь.

– Ты что? – беззаботно удивилась Мара. – Они тут не появятся, кшари их в космосе остановят.

Мэтт сильно сомневался, что есть такая сила, которая способна остановить боевой линкор, если тот решит не останавливаться. Крылатых он даже не заметит, как носорог не заметит роящуюся вокруг мошкару. Кшари, напав на корабль Лиги, подписали приговор своей планете и даже не поняли этого.

– Мара, понимаешь, если сюда прилетят дикие, то... – Мэтт замешкался, не зная, как перевести «война», он никогда не слышал здесь этого слова, – тут будет смерть.

Это слово тоже не очень подходило, особенно если его дословно перевести на нью-инглиш: счастье-в-вечности. Мэтт никакого счастья в смерти не видел, лишь кровь и хрипящий в горле воздух.

– Мэтх, – Мара взяла его за руку, – не бойся. Кшари смогут нас защитить, дикие не прилетят.

Мэтт качнул головой.

– Малая, если увидишь корабль диких – беги! В сельву, как можно дальше. Пообещай мне, ладно?

Мара смотрела на него, как на маленького, глупого ребенка, который испугался монстра под кроватью, и объяснить жрице, что монстр реален и легко может их всех сожрать и не подавиться, было невозможно. По крайней мере, нельзя было это сделать, не подставив флотских и не отправив их к пыточному столбу. Может, еще обойдется? Ну с чего флоту расстреливать Храмы, он действительно не монстр...

– Скоро День Ашера, – успокаивающе добавила Мара, – сам увидишь, сколько у нас кшари, они все в гнездо вернутся.

– Утешила, – пробормотал Мэтт и, вспомнив, что один вопрос он так и не выяснил, спросил: – А ты тоже не знаешь, за что того кшари наказали?

– Он опоздал. Слишком долго шел из сельвы.

Мэтт сопоставил сине-зеленую морду кшари, которую он наблюдал в госпитале, информацию про погибшего брата и напавших ушу и недоверчиво вытаращился на Мару. Та поняла правильно.

– Это хорошо, что его выпороли. Сначала хотели на алтарь отправить.

Изумления в глазах Мэтта стало на порядок больше.

– Подожди, ему уже есть пятнадцать?

Мара покачала головой:

– Они бы подождали, когда исполнится.

– То есть... пацан едва не сдох в сельве, потерял брата, отбил атаку ушу, и в благодарность его решили отправить к Великим? А потом передумали и избили. И почему я даже не удивился...

Мара немного помолчала и нехотя произнесла:

– Когда ты так говоришь, все выглядит как-то неправильно.

Наверно, стоило расстроиться, что этот крылатый опять пропустил встречу с Великими, но Мэтт только задрал голову, разглядывая высокое, пронзительно-синее небо. Давайте, мужики, жгите! Тут уже ничего не исправить.

Тейат, похоже, выползла из-за макушек деревьев, и шаловливые лучи, пробравшись в щель под крышей, смешно щекотали затылок. Дневная жара еще не навалилась душным одеялом, но уже подползала, обещая обычный, ничем не примечательный день в аду. С улицы слышались громкие голоса – кто-то спорил почти под самыми стенами Храма.

– Вархи... – Мэтт оторвался от губ жрицы и трагическим шепотом добавил: – мне не нравится, что мы днем занимаемся этим. Нас могут застукать.

– Тут никого нет.

– Если нас поймают, меня могут отправить на алтарь, – уперся Мэтт.

– Энэ, не зли меня! Ты и так опоздал!

В голосе жрицы отчетливо слышалось раздражение, и Мэтт постарался раскопать в себе еще немного актерского таланта.

– Вархи, – заскулил он, – ну пожалуйста, давай ты лучше мне ночью прикажешь прийти?

– Почему ночью?

– Ночью никто не ходит, и я...

Мэтт напрягся, старательно вспоминая все, что он видел в фильмах с маркировкой «не для детей», и принялся перечислять, обещая доставить жрице удовольствие по высшему разряду – до этого все было неубедительной пародией исключительно потому, что днем он нервничает. Надо ночью. Без вариантов.

Взгляд у жрицы стал задумчивый. Мэтт начал прикидывать, как он будет выпутываться, если жрица сейчас все-таки разозлится и отправит его к столбу наказаний на всю ночь.

– А почему нельзя и сейчас, и ночью?

Мэтту захотелось постучаться лбом о стойку стеллажа. Можно, конечно, и так, но кто сказал, что жрица потом не передумает и не отложит ночное свидание на пару дней? Нет уж, пусть потерпит до вечера.

– Потому что сейчас мне страшно, что застукают. Очень страшно. Давай ночью, а?

– Энэ, ты испытываешь мое терпение! – Вархи недовольно дернула плечом, отстраняясь. – Хорошо, передай энэну, что ты сегодня ночью работаешь... в госпитале.

– Спасибо!

Мэтт прильнул к губам жрицы с куда большим воодушевлением, но Вархи его оттолкнула, напомнив, что бедному рабу ужасно страшно. Но это уже было неважно, он получил совершенно легальный пропуск на выход из барака ночью, и это было отлично. Теперь главное, до вечера ни во что не вляпаться.

До обеда Мэтт олицетворял саму покорность и послушание, стараясь лишней раз не попадаться на глаза жрецам, а лучше вообще никому не попадаться. Но стоило Тейат перевалить за середину небосклона, как стало понятно, что сейчас самое время сбегать к тайнику: жрицы попрятались от жары в госпитале и под навесами, рабы тоже не рвались совершать трудовой подвиг, и площадь перед Храмом опустела. А ночью он в лучшем случае тайник не найдет, а в худшем – переломает ноги, пока по камням будет прыгать.

Мэтт ухватил две увесистые корзины с мусором и уверенно направился в сельву. Одинокий жрец, отдыхающий под навесом, проводил его равнодушным взглядом и отвернулся. Мусор Мэтт добросовестно оттащил до места и даже аккуратно прикрыл кучу мхом – через пару дней от мусора ничего не останется, можно будет свалить в яму новую порцию. Пристроил корзины у дерева (на обратном пути заберет) и пошел на шум реки.

Тайник был недалеко, под старой сейхой, надо перелезть через наваленные как попало камни и продраться через заросли бамбука. Мэтт обогнул толстый ствол и... дернулся в сторону, ошарашенно уставившись на воткнувшийся перед носом нож.

– Энэ? Что ты тут делаешь?

Глава седьмая. Храм Хур-Саг. Второй шаг к свободе

Если бы Мэтта интересовало, как кшари развлекаются, то он, получив ответ на свой вопрос, совершенно точно предпочел бы и дальше оставаться в неведение.

– Не дергайся, энэ!

Развлекались двое, чернявый и рыжий, третий – старый знакомый – смотрел на Мэтта так, словно это раб придумал метать в себя ножи, да еще и заставил кшари этим заниматься.

– Замри, энэ, кому сказали!

Нож, черной рыбкой мелькнувший в воздухе, вонзился рядом со щекой. Рано или поздно кто-то из крылатых промахнется и острая деревяшка вопьется ему в глаз. Хотя кшари не собирались его убивать, им доставляло удовольствие унижение раба, нравилось смотреть, как тот дергается от каждого взмаха руки и пытается отодвинуться чуть дальше. Наверно, можно было закрыть глаза и надеяться, что кшари не промахнутся, но Мэтт упрямо смотрел на них, даже не подумав опустить взгляд. И с каждым броском, с каждым воткнувшимся рядом ножом внутри разгоралось что-то злое и горячее. Собственная покорность была во стократ более мерзкой, чем то, что делали кшари. Он стоял и безропотно ждал, дрогнет рука крылатого или нет, не сопротивлялся и не возражал. Тупой, послушный раб.

Если его сейчас убьют, то флотские не найдут дорогу в сельву. Никак нельзя, чтобы его убили именно сегодня...

Чернявый подкинул на ладони нож и встал боком, отвернувшись от стоящего на коленях раба, коротко взмахнул рукой и нож задрожал у подбородка. Следующий – у виска. И еще один, уже не видно, куда попал, только труха с дерева посыпалась. Мэтт опустил на пятки и прижался спиной к шершавому стволу. Надо терпеть, если он не выдержит, его точно убьют, а он должен вывести парней. Он не может их не вывести.

Русый смотрел на него в упор, и Мэтт упрямо задрал подбородок. Не ответит он взгляд, не дождутся. Странно, но взгляд отвел кшари.

– Эне, пошел вон отсюда!

Переспрашивать Мэтт не стал. Вскочил и рванул вверх по тропе, не глядя под ноги. До тайника он добежал, не оборачиваясь и, похоже, поставив галактический рекорд в беге по пересеченной местности. Можно было торжествовать и праздновать победу, но Мэтт об этом не думал, лишь о том, чтобы побыстрее удрать от крылатых, пока те не передумали и не приказали вернуться.

Ноги перестали слушаться, стоило ему притормозить. Мэтт тяжело опустился на землю и привалился к поросшему лишайником валуну. Руки дрожали совершенно неприлично. Этот крылатый, наверное, был его личным проклятием, приспичило ему со своими братьями в ножички поиграть... Хотя в этот раз мироздание решило перевести крылатого в его личные телохранители: если бы не он, чернявый точно резвился бы до первой ошибки... или последней. Мэтт зябко повел плечами, вспомнив летящий в лицо нож.

Рядом с тайником Мэтт просидел полчаса, не меньше, перепрятывать содержимое у него уже не было сил – просто свалил все в корзину, прикрыл листьями лопуха, а саму корзину пристроил в кустах недалеко от Храма.

Перед вечерней молитвой Мэтт нашел энэна и озвучил ему волю жрицы, постаравшись изобразить пробивающуюся сквозь усталость покорность судьбе и старательно пряча накатывающее волнами тревожное возбуждение. Надсмотрщик выслушал его молча и, кажется, даже не удивился, делая пометку в своем блокноте. Зато остальные молчать не стали.

– А я смотрю, ты отлично проводишь время, – толкнул его в бок рыхлый чернявый парень, – эта жрица горячая штучка.

– Ага, – откликнулся второй, – у нее, похоже, фетиш на рабов.

– Завидуйте молча, – беззлобно посоветовал Мэтт.

За спиной радостно заржали.

– Эй, – пихнули его в другой бок, – а как оно, с жрицей-то?

– Обычно, – невозмутимо ответил Мэтт, не собираясь признаваться, что ему не с кем сравнивать, – ничего нового.

– Но вообще, – недовольно проворчали за спиной, – он там отдыхает, а нам за него работать.

И витиевато пояснил, как Мэтт, с его точки зрения, будет отдыхать.

– Ну не знаю, – отозвался другой голос, помоложе, – она же озабоченная, я лучше полы помою.

– А тебя что, кто-то звал? Ты для нее мордой не вышел.

Помогать ночью в госпитале отправили почти десять человек, и нечего было даже думать, чтобы тихо смыться по дороге. Свои же и заложат, Мэтт в этом не сомневался. Да и в Храм ему надо было заскочить в любом случае. Так что лучше не отставать от коллектива и бодро топтать в правильном направлении, вяло отбиваясь от глумливых подколов и надеясь, что сейчас ему повезет и крылатые не свалятся на его голову.

– Мужики, прикроете? – небрежно попросил Мэтт, стоило госпиталю показаться между ветвей. – А я потом баки мусорные вынесу.

– Иди, – махнул рукой высокий, сухопарый мужик, старший в их смене. – Не забудь до рассвета явиться, а то энэну только повод дай тебя выпороть.

Мэтт кивнул и бодрой рысью рванул к Храму.

Тейат еще не убежала за горизонт, зависла над самыми кронами, лениво лаская сельву предзакатными, уже не жгучими лучами. Но ночь здесь наступает быстро, до полной темноты было минут пятнадцать, не больше, и лучше бы ему оказаться у клетки раньше, чем седой майор решит, что ждать его не имеет смысла. Но на пути к намеченной цели маячила еще одна проблема: слишком много он наобещал жрице, чтобы она его отпустила до рассвета. Не явиться он тоже не мог, обязательно начнет искать, выяснять, куда он делся и кто его задержал, – узнает, что ушел в Храм, и тревогу поднимут минут через двадцать.

Он бы сейчас с удовольствием махнулся местами со всеми желающими, и пусть бы они ее всю ночь развлекали, но жрица вряд ли не заметит такую подмену. Хотя, возможно, и оценит.

Мэтт оглянулся и, болезненно поморщившись, свернул к припрятанной в кустах корзине. Идея была так себе, он вообще не хотел этого делать, но альтернативным решением было стукнуть жрицу по голове и связать. Сверху в корзине валялся хозяйственно спертый из прачечной чей-то пояс, и Мэтт сначала расстелил на земле его, а затем вытряхнул сверху все остальное. Два ножа, бухта веревки, бинты... Мэтт испуганно дернулся, обшаривая взглядом богатство, но тут же облегченно выдохнул: утащенная по случаю тыква с настойкой боргара была на месте, как и флакон с концентратом. В каких пропорциях их можно смешивать, Мэтт даже не представлял, но подозревал, что обычная настойка на жрицу не подействует. Попытался вспомнить, сколько Мара добавляла концентрата в тот компотик, подумал, что кшари и так был по самые уши накачен боргаром, ему много и не надо было, и вытряс в тыквину оба флакона.

Вархи ждала в кладовке и при его появлении так плотоядно улыбнулась, что Мэтт засомневался в том, что он и после рассвета отсюда выйдет. Живым так уж точно не получится.

Жрица поманила его пальцем, и Мэтт дисциплинировано расплылся в улыбке, поднимая руку с зажатой в кулаке тыквой.

– У меня подарок! И, кстати, необычный.

– Что это?

– Тебе понравится.

«Главное, чтобы мне потом это все не разонравилось...». Мэтту вдруг малодушно захотелось сбежать в свой барак или, в крайнем случае, остаться в этой кладовке до утра. Еще днем

он был уверен, что делает все верно, а сейчас... он уже один раз попробовал – и в результате погибло четыре человека. И если их схватят, то он сильно пожалеет, что чернявый не попал сегодня в него ножом. Но без него эти трое до дикой сельвы не дойдут. А когда их возьмут, выяснить, где они добыли нож, будет делом техники, вряд ли флотские будут молчать, когда им начнут отрубать руки и растягивать кишки вместо лиан. Так что какая уже, к ржавым кваркам, разница...

Вархи недоверчиво понюхала подарок, удивленно хмыкнула и сделала большой глоток.

– Ничего так... Где ты это взял?

– Там, – неопределенно махнул рукой Мэтт, не желая признаваться в своих алхимических экспериментах, – ты пей, должно быть вкусно.

Он понятия не имел, насколько часто настойки с боргаром оказывались на столах у жрецов – на рудниках он ни разу не видел, чтобы аштэ того Храма подходил к столу с настойкой, и, судя по тому, как оживилась Вархи, рабам его наливали чаще. Их было не жалко.

Вархи отхлебнула еще и, довольно улыбаясь, прижалась к Мэтту. Мэтт сглотнул, шалея от податливости женского тела, и постарался сосредоточиться на важном. Получалось так себе. Вархи изогнулась по-кошачьи, прогибаясь под его руками. Мэтт резко дернул ее за плечо, разворачивая к себе спиной. Получилось грубо, он так не хотел, но жрица откликнулась довольным стоном, и Мэтт подтолкнул ее под руку, заставляя сделать еще глоток. А затем потянул вниз, на заранее расстеленные пледы.

Микс из двух настоек подействовал медленнее, чем можно было от него ожидать, но все-таки подействовал. Мэтт, убедившись, что девушка крепко спит, встал и начал быстро одеваться, отлично понимая, что, если что-то пойдет не так – флотские его не дождутся, или патруль засечет, – никто уже не будет спрашивать, сколько лет этому рабу. И окажется, он своими руками расчистил себе путь к алтарю. Или – что может оказаться гораздо хуже, – к пыточному столбу. Потому что результат будет один, он же не кшари и вряд ли переживет пытки, а мучиться придется дольше.

Вархи сонно всхлипнула, и Мэтт с сомнением посмотрел на валяющийся на полу пояс. Может, связать? Как бы не проснулась раньше и не подняла тревогу. Представил, как утром ее найдут, голую, с замотанными руками, и, быстро подобрав один из пледов, осторожно накрыл жрицу. Не проснется. А даже если проснется, то решит, что раб ушел.

Припрятанный в кустах узел Мэтт не забыл – закинул на плечо, предварительно переложив один нож в пояс, чтобы был под рукой. Узел получился небольшим, аскетизм местных не давал расширить ассортимент украденного, а запастись продуктами не вышло: Мэтт пробовал, но быстро выяснил, что лепешки во влажной сельве начинают плесневеть, а запах сыра привлекает мелких грызунов, и к нычке сползаются все кому не лень. А вакуумных пакетов местные пока не изобрели.

До Храма Ашера Мэтт добрался быстро, бежать по знакомой тропе темнота не мешала, а вот чтобы разглядеть, что творится у клетки с дикими, тусклого света звезд не хватало. Мэтт даже привстал над камнем, с которым за последний месяц успел сродниться, и удивился: а почему фонарь не светит? Рядом с клеткой же рос здоровый такой, он точно помнит. И кшари не видно...

Мэтт немного поторчал над камнем, а затем, плюнув на безопасность, крадучись двинулся в сторону клетки, стараясь держаться ближе к кустам и отлично понимая, что крылатый его в любом случае засечет, но, может, не бросится догонять, не захочет через колючую изгородь продираться.

Даже с пяти метров разглядеть, есть ли кто в клетке, не получалось. Зато стало видно странную кучу рядом с дверью, которой вроде раньше не было. И сломанный ствол фонаря – словно великан невзначай зацепил, или кто-то в прыжке ногой врезал. Затухающий шар валялся неподалеку, расплескивая агонизирующие белесые всполохи.

Мэтт сделал еще пару шагов и вытянул шею, стараясь и разглядеть получше, и не зацепиться за куст, чтобы себя не выдать, но все-таки не удержался и нечаянно мазнул рукой по плотному бутону-коробочке. Тот тут же распахнулся, выпуская на свободу рой светлячков. Обычно это было красиво, целая горсть голубых искр в черном бархате ночи, но сейчас мошки зависли на секунду и уверенно двинулись к неопознанной куче. Мэтт наконец сообразил, куда делся кшари. Майор смог дотянуться до ножа и воспользоваться им.

Мэтт закусил кулак и отступил назад, стараясь выгнать из памяти жуткий оскал трупа и рой светящихся синим мертвенным светом мух, почуявших свежую кровь и собирающихся устроить пир.

В шею ткнулось что-то острое, и Мэтт вздрогнул.

– А мы думали уже не придешь. Один?

Мэтт скосил глаза вниз, убеждаясь, что майор прямо сейчас решает, хватит ли мухам одного праздничного блюда или организовать им еще и десерт.

– Да.

Нож исчез. Мэтта схватили за плечо и сильно дернули в сторону, в кусты. А потом еще и подпихнули в спину, намекая, что шагать лучше побыстрее.

– Убивать-то зачем было? – тоскливо спросил Мэтт, но ему никто не ответил.

Жизнь на Эр-Кхаре уже приучила, что костлявая бродит совсем рядом, не то чтобы смерть стала обыденностью, однако точно вышла из области сакрального, – но он все равно оказался не готов к тому, что наткнется здесь на труп кшари. Предлагая флотским разобраться со своим тюремщиком, он думал, что они его по голове треснут и в клетку заташат. Даже хотел предложить связать... с чего он вообще решил, что флотские страдают гуманизмом? Вроде такого про них не болтали.

Мэтт обернулся и схлопотал еще тычок в спину. В отличие от флотских, просто устранивших врага, он хорошо осознавал, во что им обойдется смерть кшари. Майор приоткрыл ящик Пандоры, еще не до конца, лишь наметил щель, но как только крылатые поймут, вслед беглецам выпустят всех гончих без исключения. И эти гончие будут злы, очень злы. Мэтт подумал и неуверенно предложил:

– Может, спрятать?

На ответ он не рассчитывал, но майор все-таки ответил:

– Он дергался, следов и так полно. Зря время тратить. А потом, смена на рассвете явится, раньше его никто не проверяет.

Идти пришлось недолго. Остальные ждали их в ложбинке – удачное место: и от тропы далеко, и от Храма.

– А нормального оружия тут нет? – недовольно поинтересовался капрал, когда Мэтт протянул им ножи. – Куда они наше дели?

– Понятия не имею, – честно признался Мэтт, – крылатые тоже без файтеров, у них мечи.

– М-да... – не стал спорить с очевидным майор – меч кшари был у него в руке, но, судя по тому, как он его держал, даже Мэтту было понятно, что прихватил майор его с собой по привычке не разбрасываться оружием, а вовсе не потому, что умел им драться. – Ну, выводите нас отсюда... раз взялся.

Мэтт обреченно кивнул. Быстрее всего до дикой сельвы можно было добраться через Храмы, но там же проще и нарваться на патруль. А значит, надо идти через сады, их так тщательно не охраняют, да и беспечно гуляющих там ночью нет.

– Осторожнее.

Кто-то из идущих тоже зацепил бутон со светлячками, и мошки тотчас повисли над головами людей, не столько освещая путь, сколько выдавая их местоположение. Ночная сельва продолжала шебуршать и перекрикиваться, но как-то иначе, не как днем, и Мэтту казалось, что каждый их шаг – треснувшая под ногой ветка, заскрипевший мох или крик спугнутой птицы

– раздается в ночи, как выстрел. За лианами мерещились тени, чудились чужие голоса и шаги. Мэтт успокаивал себя, напоминая, что, если бы подняли тревогу, гонг бы услышали все, а значит, надо меньше думать и быстрее шагать.

Мэтт вскинул руку, останавливая остальных, а потом ткнул в кусты. Флотские поняли и залегли. Впереди был мост, длинный, с мерцающими в кроне фонарями и просматриваемый со всех сторон.

– Обойти никак? – тихо спросил майор.

Мэтт мотнул головой: это был единственный выход к нижней террасе, можно еще по скале, но непонятно, смогут ли флотские, да и сам он точно не паук и не муха, чтобы по отвесным скалам ползать.

Они лежали минут десять, прежде чем в ночной тишине послышались легкие, едва слышные шаги: двое кшари шли молча, настолько тихо, что одного можно было принять за тень другого – они даже шагали одинаково и, кажется, дышали в унисон. А может, и вообще не дышали. Мэтт схватил майора за руку и едва заметно качнул головой. Уверенности, что с этими справятся так же легко, у Мэтта не было, у майора, видимо, тоже – он даже не шелохнулся, провожая крылатых взглядом.

– И?

Мэтт не знал, как часто патрули ходят ночью, но подозревал, что не чаще, чем днем, а значит, полчаса у них есть. Основная охрана традиционно была внизу, там, где лестницы спускались в долину, наверху крылатые появлялись реже, уделяя больше внимания поселку рабов и Храмам.

Часов у Мэтта не было, и он просто решил – пора. Кивнул на мост и первым начал подниматься, но майор дернул его за руку, а потом ткнул в капрала. Мэтт не очень понял этот обмен знаками, но капрал, зажав в руке нож, первым бросился к мосту, за ним, почти такой же тенью, как и кшари, – белобрысый. И только тогда майор толкнул Мэтта вперед, а сам побежал за ним, прикрывая спину.

Из листвы с тихим шелестом выпорхнула стая ночных бабочек – их не спугнули прошедшие кшари и даже пронесшийся серой молнией капрал, но тяжелых шагов Мэтта они не выдержали. Мост гудел под ногами, ветви-канаты недовольно колыхались, раскачивая фонари и разбрасывая зловещие тени. Внизу уже клубился ночной туман, затягивая и смазывая пропасть под ногами. Мэтту на какую-то долю секунды показалось, что он ошибся, что крылатые не ушли, а ждут их в тени за мостом, но присмотреться не успел: сначала майор сильно толкнул в спину, а потом капрал схватил за руку, даже не втаскивая, а вдергивая в кусты. На форсирование моста ушла пара минут, но Мэтт успел взмокнуть.

– Дальше что?

Скорее всего, подразумевалось не «сколько нам еще чапать», а «какие еще сюрпризы будут», и Мэтт понял правильно.

– Вышку обойти надо.

Ярко-рыжие вышки условно отделяли территорию Храмов от дикой сельвы, и все бы ничего, но к каждой вышке прилагался крылатый. Совершенно некстати. И просочиться мимо не получится – вышки торчали так, что просматривался весь периметр. Можно предложить майору нейтрализовать и этого кшари, но Мэтт подозревал, что это совсем не то же самое, что напасть на стоящего спиной и не ожидающего удара сзади стража. Пока они будут лезть на эту вышку, кшари успеет встать на крыло, и тогда все, никакие ножи не помогут. Да и на соседних вышках заинтересуются, что за кипиш и почему без них.

Когда Мэтт только знакомился со своим новым и, как он верил, временным домом, вопрос вышек интересовал его большего всего – выходило, что прорваться в сельву, минуя охрану, не выйдет. И был в этом полностью уверен, пока однажды не заметил, как кшари тренируются.

– Ты уверен? – недоверчиво осведомился майор, всматриваясь в темный рокочущий провал.

– Там мелко. Главное, на ногах удержаться.

Мэтт точно знал, что этот кусок реки с вышек не просматривается. Выше по течению был целый каскад порогов, и пробиться живьем к этому спуску невозможно, подняться против течения обычному человеку не под силу, а значит, Храмам ничего не угрожает. Кажется, крылатые считали именно так, другого объяснения, почему здесь не поставили отдельный пост, у Мэтта не было. Но у них была задача не напасть на мирных жрецов, а совсем наоборот, унести от них ноги, и обмелевшая шивера им отлично подходила.

Спускаться в темноте по скользкой заросшей тропе было сомнительным удовольствием. Мэтт сползал боком, старательно нашаривая ногой опору и цепляясь рукой за лианы – те тянулись, как резиновые, щекотно подрагивая в ладони. На последнем камне чуть не поскользнулся, но кто-то схватил его за шиворот, удерживая.

– Спасибо, – пробормотал Мэтт, поправляя привязанный на манер рюкзака узел и убеждаясь, что сидит тот крепко. Потерять даже такой скромный скарб не хотелось.

– Дальше мы, наверно, сами... – задумчиво протянул майор, разглядывая шипящую под ногами воду. – А то как ты обратно?

– В смысле? – не понял Мэтт. – Я с вами пойду.

Шум воды заглушал голоса, и говорить можно было нормально, но майор все равно предпочитал шептать почти на грани слышимости.

– Куда ты пойдешь? Не трусь, наши прилетят – мы тебя заберем. Слово офицера. А там может быть опасно.

В словах майора была логика: из Храма он их, можно считать, вывел, а в сельве помощи от него немного, можно и тут подождать. Только вот убитый кшари... Да кто на раба подумает, еще и того, кто всю ночь со жрицей провел. У него там алиби в кладовке спит.

Мэтт вспомнил летящий в лицо нож, глумливую ухмылку чернявого и собственную беспомощность.

– Я пойду с вами.

– Пацан, – недовольно поморщился майор, – время теряем. Подрости сначала.

Мэтт упрямо набычился, и майор вздохнул:

– А если убьют с нами?

Мэтт помолчал, обдумывая столь радужную перспективу, и криво усмехнулся. Они, наверное, думают, что знают, как выглядит смерть. Чистая, прожженная сгустком плазмы или лазерным лучом. Идеальная, в перекрестье прицела. В крайнем случае, от одного четкого удара ножом. А они видели, как растекается черная кровь по палубе? Как хрипят люди, из которых она вытекает? А как она впитывается в песок? Знают, как пахнет? Они не видели тех, кого на неделю оставили на столбе наказаний – на все воля Великих, им решать. Не слышали, как кричат те, кого все-таки с этих столбов сняли. Не валялись в луже на дне ямы, ожидая, когда за ними придут. Не знают, что чувствуешь, проламывая человеку череп. Ничего они не знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.